

РЕЧИ
ГЛАВЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ДУНАЙСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ В БЕЛГРАДЕ
(ИЮЛЬ — АВГУСТ)

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
(31 июля)

1. ПРОТИВ ДИКТАТОВ И УЛЬТИМАТУМОВ

Господин председатель, господа делегаты.

Наиболее отчётливо основные темы нашей дискуссии, мне представляется, сформулировал английский делегат г-н Пик, который сказал, обращаясь к французской делегации, очень кратко по этому поводу, но очень выразительно. Его формула гласит: права всех тех государств, которые подписали Конвенцию 1921 года, должны быть сохранены в неприкосновенности и их согласие должно предшествовать заключению новой конвенции.

Весь смысл наших споров здесь, таким образом, заключается в том, чтобы признать и, что ещё более важно, отразить в новой конвенции права государств, подписавших Конвенцию 1921 года. Больше того, из заявления г-на Пика, как и из заявлений г-на Кеннона (США) и г-на Гьери (Франция), ясно, что если это условие не будет выполнено, то эти три государства не подпишут конвенцию. Следовательно, мы находимся перед фактом ультиматума, который предъявляется нашей конференции тремя участвующими здесь государствами. Это тем более должно быть отмечено, что такие заявления сделаны ещё до того, как мы подошли к рассмотрению возможных проектов новой конвенции. Следовательно, не зная даже, что будет здесь предложено в качестве проекта новой конвенции, какие принципы будут положены настоящей конференцией в основу будущей конвенции, три западные делегации нам уже предъявили свои ультимативные требования. Так могут рассуждать только те, кто себя чувствует хозяевами. Это не язык сотрудничества, а язык диктата. Это не язык сотрудничества, а язык приказов, это не язык сотрудничества и товарищеской работы, а язык хозяев. Советская делегация решительно отвергает такие заявления. Мы заранее скажем в ответ на такого рода ультимативные заявления, что они для нас не будут иметь никакого значения, мы пройдем мимо них, мы скажем: двери служат как для входа, так и для выхода. Так ставится вопрос политически.

Мы никого не заставляем принимать участие в сегодняшней конференции. Мы собрались для сотрудничества и дружественного рассмотрения вопроса, в котором заинтересованы все участвующие здесь государства. Таким образом, язык ультиматума должен быть оставлен за порогом этой залы. По крайней мере, что касается советской делегации, то она, повторяю, решительно отвергает этот язык, как неуместный на международной конференции, и не будет в состоянии рассматривать ни одного предложения под угрозой того давления, которое пытаются оказывать на настоящую конференцию присутствующие здесь представители Соединённых Штатов Америки, Великобритании и Франции. Так можно разговаривать на конференциях, где большинство принадлежит бенилюксам. Там такой язык уместен. Здесь бенилюксов нет. Здесь равноправные государства, и язык должен соответствовать этому положению.

Так обстоит дело с политической стороны. Но нельзя ли посмотреть на этот вопрос, я бы сказал, и с юридической стороны?

2. О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ПРИБРЕТЕННЫХ ПРАВАХ» И КОНВЕНЦИИ 1921 ГОДА

Сигнал дал французский делегат, он сказал о «приобретённых правах». Последующие ораторы пробовали расшифровать эту формулу. Яснее всех это сделал г-н Пик, после чего стало очевидно, что нужно говорить не о «приобретённых правах», а скорее о восстановлении прав дунайских народов, грубо нарушенных в прошлом.

В самом деле, о чём идёт речь? Речь идёт о том, чтобы восстановить Конвенцию 1921 года. Здесь говорят, что она существует и будет существовать до тех пор, пока все подписавшие её 27 лет тому назад государства не придут к решению об её отмене и её изменении. Для того, чтобы показать, что это действительно является общепризнанным международным правом, как здесь заявил г-н Пик, была даже сделана ссылка на английского учёного Макнейра, и я имею право предполагать, что ссылка сделана на его книгу по международному праву, изданную в 1937 году, которая называется «Effect of the war on the treaties», но эта книга никакого отношения к данному вопросу не имеет. Нас здесь должны интересовать не отвлечённые рассуждения юристов, а то, что собой представляет Конвенция 1921 года и в какой мере положения, выставленные Макнейром, могут быть применены к этой конвенции. Как раз ответа на этот вопрос мы у проф. Макнейра не находим. Между тем важен раньше всего вопрос о том, действительно ли сохраняет силу в данное время Конвенция 1921 года. Тут, кажется, венгерский делегат сказал о том, что если бы эта конвенция о Дунае сохраняла свою силу, так сказать, действовала, то в таком случае не нужно было бы включать в мирные договоры 1947 года новые статьи о Дунае. Действительно, в мирные договоры с Венгрией, Румынией, Болгарией включены новые статьи о Дунае. Это статья 38 в одном случае, статья 36 в другом случае и статья 34 в третьем случае. В этих статьях содержатся принципиальные положения, которые

корреспондируют в известной степени с 1-й статьёй Конвенции 1921 года, я бы сказал, более правильно,— упоминают статью 1 Конвенции 1921 года. Это — головная статья в Конвенции 1921 года, которая даёт принципиальную установку, какой надо руководствоваться, всей конвенции. Здесь говорится о том, что «навигация по Дунаю свободна и открыта для судов всех флагов на условиях полного равноправия по всей судоходной части реки от Ульма до Чёрного моря и по всей речной сети, объявленной международной, согласно статье 2-й» и т. д. Без этой статьи теряют смысл все остальные статьи Конвенции 1921 года, потому что всё остальное — это развитие этого принципа, развитие и практическое, техническое применение принципов, которые выразились в статье 1 Конвенции 1921 года.

Я прошу представителей английской, американской и французской делегаций сказать, считают ли они, что статья 1 Конвенции 1921 года остаётся в силе, или нет? Очевидно, они попытаются дать положительный ответ. Но как быть в таком случае с тем фактом, что статья 1 в Конвенции 1921 года заменена статьёй 34 в мирном договоре с Болгарией, статьёй 38 в мирном договоре с Венгрией и статьёй 36 в мирном договоре с Румынией? Английская и французская делегации нам говорят, что права всех подписавших Конвенцию 1921 года государств должны быть сохранены в неприкосновенности, так как Конвенция 1921 года якобы до сих пор сохраняет свою силу. Но если не действует статья 1 Конвенции 1921 года, то как можно утверждать, что действует вся конвенция? Как это можно говорить, когда Англия и Франция сами разрушили Конвенцию 1921 года? Они её разрушили первый раз, когда в 1938 году было заключено Синайское соглашение. Кем оно было заключено? Оно было заключено Англией, Францией и Румынией. Вносит ли какие-либо изменения Синайское соглашение в Конвенцию 1921 года? Вносят, и весьма существенные.

Вы,— я обращаюсь к английской и французской делегациям,— разрушили Конвенцию 1921 года второй раз в 1939 году, когда в Бухаресте приняли новое соглашение по целому ряду весьма важных вопросов Дуная, причём к этому делу присоединили Италию и Германию.

Господа, в Конвенции 1921 года имеется статья 42. Эта статья говорит, что конвенция может быть изменена не иначе, как по заявлению двух третей государств, подписавших эту конвенцию. Известно, что Конвенцию 1921 года подписали 12 государств. Таким образом, для того, чтобы можно было изменить эту конвенцию, нужно было иметь, по крайней мере, согласие 8 государств. Мы видели, как было в действительности. В действительности Конвенция 1921 года была изменена в 1938 году решением трёх государств (Англии, Франции и Румынии) за спиной 9 государств; она была изменена в 1939 году решением 5 государств (те же 3 плюс Италия и Германия) за спиной 7 государств. Так ли вы соблюдали «приобретённые права», г-н Тьерри? Так ли вы соблюдали и защищали права всех подписавших Конвенцию 1921 года государств, г-н Пик и г-н Кеннон, когда изменили её положение и глазом не моргнув? Вы

говорите о «приобретённых правах», вы, вероятно, воображаете, что они ваши прирождённые права. Но вы сами систематически нарушали и продолжаете нарушать вами же подписанные конвенции.

Как можно при таких условиях говорить о том, что Конвенция 1921 года существует? Она не существует, она вами разрушена в 1938 и 1939 годах. Теперь вы приходите сюда и говорите: Конвенция 1921 года непоколебима, уважайте права, предоставленные нам этой конвенцией. Покажите же нам, представьте доказательства, что действительно Конвенция 1921 года непоколебима.

Важен и другой вопрос — как появилась эта Конвенция 1921 года? Эта конвенция в свою очередь появилась в грубое нарушение тех прав, которые принадлежали некоторым государствам до 1921 года. В сущности говоря, то, что в 1938 году Англия и Франция нарушили Конвенцию 1921 года, ничего не внесло нового в практику правительств Англии и Франции, к которым присоединилось и правительство Соединённых Штатов Америки, и ничего не создаёт такого, что вызвало бы удивление в свете нынешней практики этих государств, которые каждый день по каждому поводу нарушают принятые на себя обязательства, как они нарушили обязательства, принятые в Потсдаме, в Ялте, в Тегеране, как они нарушили обязательства, принятые на Генеральной ассамблее, в Совете министров иностранных дел. Конвенция 1921 года сама была нарушением предшествующих международных конвенций. Я имею в виду конвенции 1856 и 1878 годов и трактат 1883 года.

3. КОНВЕНЦИЯ 1921 ГОДА И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

1921 год был годом, когда наша Советская страна заканчивала гражданскую войну, делая гигантские усилия, чтобы укрепиться на новом пути социалистического строительства, продолжить ту работу, начало которой было положено Великой Октябрьской социалистической революцией. Подписывая в 1921 году Дунайскую конвенцию без участия Советской России, Великобритания и Франция внесли в конвенцию положение, которым Советская Россия была исключена из Европейской Дунайской комиссии, в которой Россия участвовала по конвенциям 1856 и 1878 годов. Вы тогда расправились с Дунайской конвенцией так, как повар расправляется у себя на кухне с картошкой. Конвенция 1921 года была грубым нарушением того, господин Пик, положения международного права, о котором вы здесь говорили, которое вы устами Макнейра формулировали как обязанность уважать права тех держав, которые подписали эту конвенцию.

В 1921 году вы нарушили Конвенцию 1856 года, которую подписала Россия. В 1921 году вы нарушили Конвенцию 1878 года, которую подписала Россия. Несмотря на то, что по этим конвенциям Россия была членом Европейской Дунайской комиссии, вы в 1921 году её исключили из этой комиссии, потому что эта страна была не царской Россией, а стала рабоче-крестьянской Россией. Царскую Россию вы терпели, но рабоче-крестьянскую Россию вы

не хотели терпеть, и она оказалась исключённой из Европейской Дунайской комиссии. Я не жалею на эту вопиющую несправедливость потому, что наш народ сумел отстоять свои права и в этом вопросе. Я хочу лишь указать на вашу непоследовательность, на полную необоснованность ваших призывов уважать какие-то «приобретённые права», провозглашать какие-то «международные» принципы о том, что все государства, подписавшие прежнюю конвенцию, должны дать согласие на изменение этой конвенции и что без этого согласия новая конвенция не может иметь силы, в то время, когда вы сами не уважаете «приобретённых прав», сами не уважаете тех принципов международного права, на которые ссылаетесь сегодня с таким апломбом. Я хочу лишь показать, что ваш принцип сохранения в неприкосновенности «приобретённых прав» — это фикция, придуманная вашими юристами для того, чтобы оправдать нарушение прав придунайских народов. Мы с этим не можем согласиться. История не для того существует, чтобы её использовать, как старую шубу, выворачивая наизнанку. С историческими фактами нужно считаться так, как они есть, и если была уже такая практика, что меняются международные конвенции независимо от желания или нежелания тех или иных отдельных участников предыдущих конвенций, то нечего ссылаться на какие-то «приобретённые права», когда это затрагивает интересы влиятельных участников этих конвенций.

Итак, мы можем констатировать, с одной стороны, что Конвенция 1921 года, к уважению которой призывает английский делегат, в сущности говоря, не имеет уже никакой силы. Это было признано и Советом министров иностранных дел четырёх держав — СССР, США, Великобритании и Франции. Это было признано и 21 государством с участием всех членов Совета министров иностранных дел (я имею в виду также и Китай) на Парижской конференции в 1946 году, которая признала необходимым включить в мирные договоры с Венгрией, Румынией и Болгарией те статьи, на которые я сейчас указывал и которые существенно и принципиально отличаются от статьи 1 Конвенции 1921 года.

К этому позвольте добавить соображения процедурного порядка. Нам говорят, что новая конвенция не может вступить в силу, прежде чем её не апробируют те государства, которые подписали Конвенцию 1921 года. Кроме тех, кто здесь присутствует и подписал эту конвенцию, и тех, кто присутствует, но не подписывал эту конвенцию, нужно назвать такие государства, как Германия — я не говорю об Австрии, которая здесь присутствует с совещательным голосом, — как Италия, Бельгия и Греция.

Таким образом, мы имеем, без Германии и Австрии, ещё три государства: Бельгию, Италию и Грецию, которые подписали Конвенцию 1921 года. Следовательно, английская, французская и американская делегации утверждают, что та конвенция, которая здесь будет разработана и подписана, не сможет вступить в силу, прежде чем Италия, Бельгия и Греция не согласятся с этой конвенцией? Я так это понимаю. Но позвольте спросить, почему же вы не позаботились о том, чтобы эти три государства присутствовали на этой конференции? Почему же в решении Совета министров иностранных

дел от 12 декабря 1946 года не упомянуты ни Греция, ни Бельгия, ни Италия?

Позвольте вас спросить: почему мы не видим среди этой группы государств Греции, Бельгии и Италии? Об Австрии есть специальная оговорка, а о Германии нет даже и оговорки, и это вполне понятно.

Но я спрашиваю, если вы говорите, что без Греции, Бельгии, Италии нельзя распорядиться по вопросу о Дунае в связи с разработкой новой конвенции, её подписать, ратифицировать и ввести в действие, почему же вы их не пригласили к разработке той самой конвенции, без чего мы якобы не можем обойтись, почему? Итак, ваш принцип, что никакая новая конвенция по данному вопросу не может быть принята без согласия тех государств, которые участвовали в предыдущей конвенции, опровергается всей логикой событий. Ваше собственное решение ограничить состав конференции теми государствами, которые указаны в упомянутом выше решении четырёх министров иностранных дел, говорит против вас.

Таким образом, ставить вступление в силу новой конвенции о Дунае в зависимость от согласия тех государств, которые участвовали или которые подписали старую Дунайскую конвенцию 1921 года, нет решительно никаких оснований. Тем более, что, как я уже сказал, Конвенция 1921 года уже давно потеряла свою силу, поскольку целый ряд положений этой конвенции был отменён последующими конвенциями и эта отмена была произведена без всякого обращения к согласию всех государств, которые в своё время подписали и ратифицировали эту конвенцию. Несмотря на то, что в Конвенции 1921 года была специальная статья, именно статья 42, которая устанавливала порядок изменения конвенции, этот порядок изменения конвенции не соблюдался, и «приобретённые права», о которых говорил здесь французский делегат, терялись с такой же быстротой, как они и приобретались. Мы видели, что на протяжении почти ста лет, начиная с Парижского мирного трактата 1856 года, положения, регулировавшие судоходство на Дунае, подвергались постоянным изменениям, причём государства, и это в первую очередь надо сказать о Великобритании и Франции, которые отменяли и изменяли подписанные ими конвенции, никогда не вспоминали о «приобретённых правах», о которых так усердно они вспоминают в настоящее время.

4. НОВАЯ КОНВЕНЦИЯ ДОЛЖНА ОТВЕЧАТЬ ИНТЕРЕСАМ ПРИДУНАЙСКИХ СТРАН И МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В заключение я хочу сделать несколько предварительных замечаний о новой конвенции и её основных принципах.

До последнего времени изменения, вносившиеся в прежние конвенции, шли в направлении усиления привилегий недунайских государств. Теперь вопрос стоит иначе, вопрос стоит о том, чтобы освободить придунайские государства от несправедливости таких привилегий. Вчера английский делегат говорил, что времена-де измени-

лись. Это верно. Наступили новые времена, но новые времена — новые песни, как говорит народная мудрость. Это должна учесть английская делегация, должна понять, что невозможно продолжать распевать на Дунге старые песни.

Французский делегат, говоря о «приобретённых правах», напомнил о ноте французского правительства, посланной в апреле с. г. советскому правительству, в которой говорилось, что Франция сохраняет за собой все права, которые она получила в силу акта, определявшего режим Дуная более четверти века тому назад, и что рекомендации, которые будут ныне приняты на Дунайской конференции, не получат одобрения Франции, поскольку эти рекомендации могут изменить эти «приобретённые права». На это можно сказать, что, конечно, дело французской делегации решать, как быть перед лицом такого факта, как новая конвенция о Дунае, которая войдёт в силу, не считаясь с тем, нравится это или это не нравится французской делегации. Само заявление французского делегата, совпадающее, как мы видим, с английской и американской позицией в этом вопросе, о том, что конвенция не будет считаться действительной, если она не получит апробации этих трёх государств, не может иметь, конечно, значения, которое было бы способно решить судьбу новой конвенции.

Настоящая конференция собралась для того, чтобы разработать новую конвенцию. Можно не сомневаться, что она эту задачу выполнит и что разработанная здесь конвенция вступит в силу после того, как она будет одобрена, и вступит в силу решением установленного большинства. Те, кто не будут с этим согласны, должны будут либо присоединиться к большинству, либо отойти в сторону. Это их дело, это их право. Никто, надо полагать, никому новой конвенции навязывать не будет, да в этом и не будет никакой необходимости, так как конвенция, отвечающая интересам придунайских стран и международного сотрудничества, на основах, приемлемых для указанных стран, а она должна быть именно такой конвенцией, не будет испытывать никаких затруднений в её принятии и ратификации. Меньшинство в лице трёх, а может быть, и меньше, западных делегаций, представленных на этой конференции, само решит, как ему воспользоваться своим правом, я бы сказал — даже не только правом, но и привилегией, которая предоставлена недунайским государствам тем, что они участвуют в разработке новой конвенции и, следовательно, могут внести свой вклад в дело организации режима Дунайского судоходства в соответствии с новыми историческими условиями.

5. ВОПРОС ОБ АВСТРИИ

Позвольте сказать несколько слов об Австрии. Австрия предъявляет претензии на решающий голос. Её поддерживают английская, французская и американская делегации. В этой связи я хотел бы напомнить некоторые факты, которые, может быть, помогут внести ясность в этот вопрос. Дело было так, что правительство США предложило нам несколько месяцев тому назад изменить принятое

в декабре 1946 года в Нью-Йорке решение Совета министров иностранных дел относительно того, что Австрия получит право участвовать в последующих конференциях по Дунаю после урегулирования с ней вопроса о договоре. Мы помним, что в этом решении 1946 года перечисляются те государства, которые должны были принять участие в нынешней конференции. Что же касается Австрии, то там было указано, что она сможет участвовать при известных уже нам условиях в последующих конференциях по Дунаю. Таким образом, в декабре 1946 года не встал вовсе вопрос о том, чтобы Австрия участвовала в нынешней Дунайской конференции; за ней предполагается право быть участницей Дунайских конференций лишь впоследствии, после урегулирования вопроса о договоре с Австрией. Однако советское правительство согласилось пригласить Австрию уже на эту Дунайскую конференцию, но, исходя из текста, смысла и духа решения четырёх министров иностранных дел, обусловило это предоставлением Австрии совещательного голоса. Это, разумеется, большая уступка в пользу Австрии, но тем не менее советское правительство пошло на это, и, таким образом, было достигнуто соглашение между СССР, США, Великобританией и Францией о приглашении Австрии на нашу конференцию с совещательным голосом.

В качестве иллюстрации к сказанному я могу напомнить содержание английской ноты на имя советского правительства от 10 июня этого года, где прямо указывалось на то, что английское правительство готово присоединиться к предложению американского и французского правительств о том, чтобы австрийские представители были приглашены на эту конференцию, по крайней мере, с такими же полномочиями, с какими Австрия представлена в настоящее время в Европейской экономической комиссии, а именно с консультативными функциями.

Что же теперь получается? Правительства четырёх держав — инициаторы этой конференции — договорились относительно того статута, которым будут пользоваться на нынешней Дунайской конференции представители австрийского правительства. Больше того, именно правительствам США, Великобритании и Франции принадлежит инициатива в таком решении этого вопроса, в силу которого Австрия получила совещательный голос. Теперь же, на конференции, австрийское правительство требует решающего голоса для себя, и это требование поддерживают правительства США, Великобритании и Франции, которые сами до конференции предложили ограничиться хотя бы совещательным голосом для Австрии, что и было принято советским правительством. Я подчёркиваю, что Австрии был предоставлен совещательный голос по инициативе правительств США, Великобритании и Франции и что на этой основе и была достигнута договорённость об участии в этой конференции австрийского правительства, во изменение ранее принятого решения о том, что вообще на этой конференции Австрия участвовать не будет, а будет участвовать лишь в последующих конференциях и то при определённых условиях. Выходит, что достигнутое между четырьмя государствами соглашение по поводу совещательного голоса для Ав-

стрии теперь аннулируется и выдвигается новое требование, противоречащее первоначальной договорённости. Создаётся впечатление, что договорённость, достигнутая по этому вопросу перед конференцией, была простым манёвром, была только первым шагом к тому, чтобы уступить на той стадии, но попробовать добиться своего на последующей стадии. Правильно говорит, очевидно, пословица: «Где пролезет голова, там всегда пройдёт и хвост». Таковы, очевидно, были намерения правительств трёх западных стран.

Нельзя не отметить и ещё одно обстоятельство — английское и американское правительства своё предложение предоставить Австрии совещательный голос мотивировали перед конференцией тем, что именно такой статут предоставлен Австрии в Европейской экономической комиссии и что поэтому было бы целесообразно такой же статут ей предоставить и на Дунайской конференции. Здесь возникает естественно вопрос, почему Австрия, а вместе с ней и Франция, и Англия, и США не ставят вопрос о предоставлении Австрии решающего голоса в Европейской экономической комиссии, но упорно добиваются этого решающего голоса для Австрии именно здесь, на Дунайской конференции? Мне кажется, что это нельзя объяснить простой случайностью. Здесь в основе лежит определённый политический расчёт.

Какова в этом вопросе, об участии Австрии на Дунайской конференции, позиция Советского Союза?

Мы считаем возможным предоставить Австрии решающий голос лишь после урегулирования с ней вопроса о договоре. Это в точности соответствует достигнутой договорённости между СССР, США, Великобританией и Францией ещё два года тому назад.

Странно было слышать здесь заявление английского первого делегата о том, что трудно объяснить, что означает эта формула, принятая четырьмя министрами с участием и министра Великобритании, делегат которой сейчас сделал такое заявление. Английский делегат к этому также добавил, что, во всяком случае, можно считать, что договор с Австрией уже готов, и что остаются небольшие кое-какие трудности по поводу репараций, и что, следовательно, нет никаких особых оснований откладывать вопрос о предоставлении Австрии решающего голоса на нашей конференции до урегулирования вопроса о договоре.

По поводу всех этих довольно странных рассуждений я должен сказать следующее. Советский Союз никаких репараций с Австрии не ждёт и не требует и никогда не требовал. Затруднения в отношении австрийского договора связаны с вопросом не о репарациях, а с вопросом о так называемых германских активах в Австрии. Правительства Великобритании и США, а также и Франции упорно сопротивляются оформлению за Советским Союзом германских активов в Австрии, вопреки Потсдамскому соглашению, которое, как мы знаем, не выполняется, впрочем не только в этом пункте.

Должен в связи с этим напомнить, что Австрия до конца войны оставалась на стороне Германии, что австрийские вооружённые силы составляли в этой войне значительную часть германской армии, вместе с ней оккупировавшие придунайские страны. Австрия должна

нести ответственность за причинённый ею ущерб этим странам, как и за участие в войне на стороне Германии против демократических государств. И поэтому полные права, а следовательно, и решающий голос, о чём здесь говорили делегаты западных стран, на нашей конференции, как и на других международных конференциях, Австрия сможет получить только после того, как вопрос о договоре с Австрией будет урегулирован. Так мы поступали и с другими бывшими союзниками Германии — с Венгрией, Румынией, Болгарией, отношения с которыми урегулированы мирными договорами 1947 года и которые после этого получили возможность участвовать на Дунайской конференции на равных правах со всеми остальными членами этой конференции. Какие основания делать исключение для Австрии? Мы не видим таких оснований. Мы знаем, что Австрия поставляла немцам миллионы солдат в течение всей четырёхлетней войны против демократических стран, мы знаем, что в числе оккупационных войск Германии австрийские войска играли немалую роль, мы помним, что Вена пала за несколько недель до падения Берлина и что, таким образом, Австрия до конца была верна своему немецкому союзнику. Всё это и обязывает урегулировать с Австрией дела о договоре прежде, чем предоставлять ей все те права, на какие она сейчас без достаточного основания претендует.

В заключение я должен на минуту вернуться к вопросу об уважении «приобретённых прав». Должен напомнить, что здесь дело идёт не о правах, а о привилегиях, и притом о привилегиях, полученных путём нарушения прав придунайских народов. Нужно принять меры теперь не к тому, чтобы сохранить эти привилегии, которые пытаются прикрыть ссылками на так называемые «приобретённые права», дело идёт о восстановлении прав придунайских народов, погрязших и нарушенных недружественными государствами, превратившими в прошлом Дунай в свою домашнюю реку и пытающимися сохранить это положение и в настоящее время. Но это обречено на неудачу. Мы в этом уверены, и это ясно для всех.

«Известия» № 182 (9712)
от 3 августа 1948 г.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

(3 августа)

Я должен признаться, что с большим удовольствием прослушал речь г-на Пика и, особенно, те её места, где он, изменяя традиции английского хладнокровия, говорил с такой горячностью, волнением и, я бы сказал даже, с запальчивостью. Г-н Пик поставил целый ряд весьма интересных вопросов, но я не скрою, что, как мне кажется, в значительной степени эти вопросы не относятся к существу той работы, ради которой мы съехались сюда из разных придунайских

стран. Кроме того, г-н Пик очень подробно дал объяснения тому факту, что сегодня он оказался в состоянии выступить с ответом на ту речь или те замечания, которые были мною сделаны трое суток тому назад. Конечно, время для выступления выбирает каждый участник этой конференции. Правда, он связан при этом правилами процедуры. Я ещё раз должен сказать, что в данном случае, конечно, статья 17 правил процедуры была нарушена, но нарушена с нашего согласия, в виде исключения. Я это говорю потому, что в будущем едва ли мне кажется целесообразным допускать такие отступления, так как это заставит нашу конференцию топтаться на одном месте, и это тем более, что те вопросы, которые здесь сегодня поставил г-н Пик, ни на шаг не могут продвинуть конференцию вперёд. Уже поэтому можно сказать, что сегодняшнее наше утреннее заседание, к сожалению, не будет продуктивным. Я, к сожалению, тоже являюсь ответственным за это, потому что если бы в субботу я молчал, то сегодня не говорил бы г-н Пик.

Г-н Пик очень убедительно доказывал, что вовсе не 72 часа прошло с тех пор, как я выступил и сделал своё заявление, а 42 часа или 48 часов. Я согласен — 42, так 42; 48 — так 48. Это не имеет никакого значения.

Г-н Пик попутно сказал о том, что я осудил югославского делегата по поводу его замечания о морали. Я действительно говорил о морали, но говорил в том смысле, что там, где говорят некие интересы, там не следовало бы вспоминать о морали, о которой югославский делегат, как мне кажется, напомнил не очень к месту. Я только констатировал бесполезность морализирования при таких обстоятельствах. Там, где говорят интересы, там молчит мораль. Какие интересы? Вы меня вынуждаете, г-н Пик, быть более откровенным и точным. Я скажу: там, где говорят империалистические интересы, там не следует говорить о морали. Если вас больше устроит такая формула, я готов дать эту формулу.

Г-н Пик поставил здесь вопрос об ультиматуме, о котором я говорил, о царских долгах, которые не хотело платить советское правительство со времени Октябрьской революции, о Брестском мире с Германией, который заключило тогдашнее советское правительство. Наконец, о статье 7, статье 4, статье 8 Конвенции 1921 года, причём г-н Пик в этой своей последней части упорно подчёркивал важность именно обратить внимание на статьи 4 и 8. Это, действительно, очень важно. Но почему же он не обратил ещё внимание на статью 42? Я хотел бы обратить внимание не только на статьи 4, 7, 8, но и на статью 42 в их совокупности. Но это я смог бы сделать только тогда, когда я так или иначе отвечу на те вопросы, которые затронул в начале своего выступления г-н Пик.

1. ОБ АНГЛИЙСКОМ УЛЬТИМАТУМЕ И ЦАРСКИХ ДОЛГАХ

Первый вопрос — это вопрос об ультиматуме. Г-н Пик здесь впал в иронический тон. Он сказал: Может быть, советская делегация боится английской делегации? Он сказал — откуда, какие основания были у меня ставить вопрос об ультиматуме, когда он никакого ультиматума здесь не предъявлял. Я рад, если английский делегат отказывается теперь от того ультимативного тона, которым он начал, вместе со своим французским коллегой, нашу конференцию в первый же день открытия. Если французский делегат последует за английским делегатом и, в свою очередь, заявит теперь, что он никакого ультиматума не предъявлял, то я мог бы констатировать, вероятно, что вопрос об ультиматуме можно считать исчерпанным. Но как вы прикажете, г-н английский делегат, понимать то ваше замечание, которое я, по неофициальной, правда, записи стенограммы генерального секретариата, позволю себе здесь огласить. Я цитирую это место: «Представитель Соединённого Королевства. Г-н председатель, я хотел бы вкратце высказаться по вопросу о французской декларации, а также сказать несколько слов по вопросу о положении Австрии. По вопросу о декларации, сообщил здесь представитель Франции, я могу вкратце изложить мнение делегации Соединённого Королевства», дальше следует это мнение. «Права всех, подписавших Конвенцию, должны быть уважаемы». Какую конвенцию? Конвенцию 1921 года. В этом не может быть никакого сомнения. Чьи права? — Всех, подписавших конвенцию. Г-н Пик говорит: Если бы я сказал *всех*, — Вышинский был бы прав. Вы это сказали, и не раз. Вы следом за этим сказали так: «И их согласие, — т. е. согласие всех, подписавших конвенцию, — на прекращение этой конвенции должно предшествовать установлению новой конвенции». И дальше: «Поэтому и сам акт и его права и обязанности остаются до тех пор, пока этот акт не будет прекращён». О каком акте говорится? Об акте известном — это Конвенция 1921 года. И ещё дальше — вы ссылаетесь при этом на Макнейра и заключаете это таким образом: Макнейр говорит: «до тех пор, пока сотрудничество всех стран не представляет собой авторитетный орган, уполномоченный выработать такой дипломатический акт, то существует правило международного права, что дипломатический акт, не предусматривающий своего прекращения, не может быть изменён без согласия всех участников и остаётся в силе». Таков текст стенографической записи русского перевода речи английского делегата. Этот текст не оставляет никакого сомнения в том, каким языком делается это заявление, как и то, что это заявление представляет собой по самому своему содержанию и своему существу язык ультиматума. «Должны уважаться», «остаются в силе», «не могут быть изменены» и т. д. — это язык, который я назвал языком ультиматума. Конечно, мы не боимся этих ультиматумов. Я не считаю даже необходимым останавливаться на этом вопросе.

Теперь второе замечание. Вы здесь сказали, что советское правительство уже раньше заявило, что оно не считает себя связанным никакими обязательствами царского правительства, и в связи с этим

сказали, что советское правительство заключило в 1918 году Брестский мир с Германией. Я не знаю, почему вам необходимо было вспоминать то, что было тридцать с лишним лет тому назад. Во всяком случае, если речь идёт о таких воспоминаниях, то нужно быть достаточно точным в этих воспоминаниях и не извращать исторических фактов. Но предварительно несколько слов о Брестском мире 1918 года.

Советское правительство с первых дней Октябрьской революции выступило с принципиальной позицией по отношению к войне. Г-ну Пику это должно быть известно. Это принципиальное отношение к войне выразилось и в ряде практических правительственных шагов и общественных актов. Правительство Керенского и Милюкова было тесно связано с правительством Ллойд-Джорджа, Клемансо, с правительствами Англии и Франции. Оно было в такой тесной связи, что, в сущности говоря, нельзя было отличить внешнюю политику Милюкова от внешней политики Ллойд-Джорджа. Эта политика направлена была на то, чтобы вести войну до «победного конца», вести войну до последнего... русского солдата! Очень выгодным и удобным был лозунг — вести войну до победного конца, до последнего русского солдата. В ответ на это Великая Октябрьская социалистическая революция провозгласила другой лозунг — «Долой войну! Прекратить войну!» «Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с английскими и французскими империалистами». Советское правительство с первых же дней Октябрьской революции предложило всем воюющим тогда сторонам мир. На это немцы ответили продолжением наступления, а англичане и французы под покровительством Вильсона ответили молчанием. Война продолжалась. Расчёт империалистических государств в это время был в том, чтобы война обессилила, обескровила и сломила молодую советскую республику. Правительство Керенского и Милюкова принимало все меры к тому, чтобы помочь этому делу, потому что здесь совпадали интересы русских помещиков и капиталистов с интересами английских и французских капиталистов и милитаристов. Но Советская Россия тогда вышла из этого положения, несмотря на то, что положение было чрезвычайно трудным, и несмотря на то, что внутри страны у нас орудовала тогда троцкистская пятая колонна, агентура иностранных империалистов. Благодаря мудрой политике советского правительства нам удалось выйти из войны, хотя и ценой Брестского мира, этого зверского, несправедливого мира. Это дало возможность Советской стране получить ту передышку, в течение которой она собрала свои силы и подготовилась к дальнейшей борьбе за своё государственное самостоятельное существование, за свой суверенитет, за свои права, права рабочих и крестьян, взявших в свои руки государственную власть в России. Это, конечно, очень не улыбалось и контрреволюции внутри нашей страны, и реакционным силам за пределами нашей страны, и отсюда всё последующее развитие событий, вплоть до похода 14 государств, возглавленных Черчиллем, против Советской страны, — похода, который также постыдно и позорно провалился. В этой обстановке от нас, от русских рабочих и крестьян, требовали: платите царские долги. Разве вы не

помните, г-н Пик, решения верховного совета союзников, которыми была созвана в Генуе специальная конференция для того, чтобы обсудить вопрос о царских долгах, и разве вы не помните, что советское правительство в 1921 году согласилось пойти на эту конференцию, что оно согласилось начать переговоры об урегулировании обязательств, которые были взяты на себя царским правительством перед странами Западной Европы и Америки, если со своей стороны Антанта даст обязательство полностью прекратить всякие попытки вооружённой интервенции и признать советское правительство де-юре? Согласилось, но тем не менее Генуэзская конференция провалилась, потому что советское правительство не могло пойти на ультимативные требования, которые притом были направлены против самого существования нового Советского государства, молодой советской республики. Английский делегат извратил факты, он примитивно поставил этот вопрос. Это неправильно. История не разрешает такого вольного обращения с собой.

2. ПРОТИВ ИЗВРАЩЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ В ВОПРОСЕ О ДУНАЕ

Вы коснулись, г-н Пик, вопроса уже более близкого нам — именно вопроса об исключении Советской России из Конвенции 1921 года. Вы поставили вопрос, почему же Советская Россия не добивалась присоединения к этой конвенции. Вам следует знать, что в 1934 году советское правительство сделало попытку присоединиться к этой конвенции. В 1934 году советское правительство сделало попытку заручиться согласием Англии, Франции, Италии, Румынии, которые должны были решить вопрос о вступлении Советского Союза в члены Европейской Дунайской комиссии. Каков же был результат этой попытки советского правительства в 1934 году вступить в эту комиссию? Англия ограничилась формальной отпиской и по существу никакого ответа на это предложение не дала. Франция не ответила на это предложение советского правительства. Румыния тогда добивалась вообще ликвидации Европейской Дунайской комиссии. И это, пожалуй, было правильно, так как эта комиссия узурпировала суверенные права прибрежных государств.

В это же время Германия энергично продвигалась в Дунайскую комиссию. Одновременно очень хотели попасть в неё Греция и Польша. Германию энергично поддерживали, главным образом, английское и французское правительства и добились того, что в 1939 году, по Бухарестскому соглашению между Румынией, Англией, Францией и Италией, Германия была включена в эту комиссию. Для гитлеровской Германии нашлось место в этой комиссии, а для Советской России не нашлось. Тем временем Гитлер окреп, возмужал; как хорошо известно, его государственная машина, поддерживаемая американскими золотыми займами, окрепла, и Германия в 1939 году вошла в Европейскую Дунайскую комиссию на равных правах с Англией, Францией, Румынией, Италией. А Советский Союз? —

Нам теперь говорит английский представитель: Советский Союз не делал попыток к тому, чтобы вступить в эту комиссию. Но это неверно.

Вы извратили вопрос о Советской России в связи с Европейской Дунайской комиссией. Вы изобразили факты не так, как они были в действительности, для того, очевидно, чтобы скрыть от широкого общественного мнения то, как вы «уважаете» «приобретённые права». Да, Россия приобрела права на Дунае ещё в 1856 году и в 1878 году. Но в 1921 году из-за того, что она стала рабоче-крестьянским государством, стала Советской Россией, вы лишили её этих прав, вы отказали ей в этом, а теперь вы говорите, что советское правительство не хлопотало о присоединении к Конвенции 1921 года.

3. НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Я перехожу теперь к юридической стороне дела. По утверждению английской делегации выходит, что Конвенция 1921 года не нарушена ни соглашением 1938 года, ни соглашением 1939 года. В доказательство приводятся ссылки на разные статьи Конвенции 1921 года. Начнём со статьи 4. Нам говорят, что Конвенция 1921 года является не плюрилатеральным, а мультилатеральным договором, т. е. не открытым лишь для некоторых государств и лишь при известных условиях (какими являются договоры, называемые плюрилатеральными), а открытым при всех условиях или во всяком случае, при таких второстепенных условиях, которые не имеют решающего значения и не могут помешать присоединению к этой конвенции. Каким же договором является Конвенция 1921 года?

Я попытаюсь ответить на этот вопрос и доказать правильность этого ответа.

Конвенция 1921 года есть плюрилатеральный договор, т. е. такой договор, присоединение к которому, хотя и открыто для не участвовавших первоначально в подписании этого договора государств, но обусловлено известными требованиями, и притом осложняющего характера. В Конвенции 1921 года такие осложнённые условия и требования есть. Где они? В статье 4. Я её цитирую: «Каждое европейское государство,— говорится в этой статье,— которое в будущем докажет наличие у него достаточных коммерческих, морских и европейских интересов в устье Дуная, сможет, по его просьбе, получить своё представительство в комиссии (т. е. в Европейской Дунайской комиссии) на основе единогласного решения, принятого правительствами, которые сами представлены в комиссии».

Не ясно ли, в чём тут дело? Во-первых, в том, что Советская Россия для того, чтобы присоединиться к Конвенции 1921 года и на этом основании вступить в Европейскую Дунайскую комиссию, должна была по статье 4 *доказать* — подчёркиваю: *доказать*, что она имеет коммерческие интересы, и к тому же достаточные, в Нижнем Дунае. Значит, нужно доказать, что имеются интересы, да ещё достаточные, которые должны быть признаны, да ещё единогласно признаны, всеми членами комиссии. Это правило — не что иное, как

вето в чистом виде, направленное против Советской России; это ясно выражено в статье 4. Разве это не так? Конечно, так. Задача доказать своё право или обоснованность своих претензий тем, кто заранее против удовлетворения таких претензий, дело совершенно безнадежное. Примером этому может служить англо-албанский спор по поводу инцидента в проливе Корфу, который недавно рассматривался в Международном суде организацией Объединённых наций.

В статье 4 требовалось, чтобы Советский Союз представил доказательства своей заинтересованности, которые та же комиссия должна была признать достаточными, причём признать это единогласно. Вот что значит статья 4. Она совершенно ясно и отчётливо, — и это должно быть очевидно для каждого студента первого курса юридического факультета, — говорит о том, что собой представляет Конвенция 1921 года с точки зрения права на присоединение к ней.

Перейду теперь к вопросу о том, была ли нарушена Конвенция 1921 года Синайским соглашением 1938 года и сохранила ли она ныне свою силу. Я хочу начать со статьи 42 Конвенции 1921 года. В этой статье говорится, что всякие изменения в конвенции могли быть произведены после того, как две трети государств, подписавших эту конвенцию, сделали бы заявление о своём желании изменить её с указанием тех пунктов, которые предполагалось пересмотреть. Это заявление должно было быть адресовано правительству Французской республики, которое через шесть месяцев должно было созвать конференцию всех государств, подписавших конвенцию. Не остаётся, следовательно, никакого сомнения в том, что нормальный порядок внесения изменений в Конвенцию 1921 года определялся статьёй 42 этой конвенции. В данном случае это не было выполнено. Нам теперь говорят: Не было выполнено потому, что имеется статья седьмая, которая устанавливает другой порядок внесения изменений в конвенцию в тех случаях, когда эти изменения касаются полномочий Европейской Дунайской комиссии. Однако, если вы прочтёте текст статьи седьмой, то увидите, что там не то сказано, там сказано: «Полномочия Европейской Дунайской комиссии могут прекратиться только на основе международного соглашения, при участии всех государств, представленных в комиссии». Что это значит? Как же совместить статью седьмую со статьёй 42? Конечно, можно забыть статью 42, и тогда статья седьмая может поддаться такому толкованию, какое угодно интерпретатору, но ни в каком документе, представляющем собой единое целое, такой метод толкования не допускается. Как можно при наличии такой статьи, которая требует две трети голосов, говорить, что изменения конвенции могут быть произведены только четырьмя государствами из 12, т. е. Англией, Францией, Румынией и Италией. Но дело в том, что статья 7 конвенции говорит, что изменения могут быть произведены на основе международного соглашения, в котором обязательно участие всех членов, всех, подчёркиваю, членов Европейской Дунайской комиссии. Иначе говоря, порядок изменения конвенции в той части, которая относится к полномочиям Европейской Дунайской комиссии, был по Конвенции 1921 года таков:

1. Сначала нужно иметь заявление о необходимости изменения со стороны двух третей государств, подписавших конвенцию, т. е. 8 государств.

2. Сами изменения могли вноситься в конвенцию на основе международного соглашения *при участии* всех членов Европейской Дунайской комиссии, т. е. Англии, Франции, Румынии и Италии. Это последнее правило — не что иное, как вето четырёх держав и даже любой из них. Это правило аналогично тому, которое принято в статье 27 устава организации Объединённых наций в отношении порядка голосования непроцедурных вопросов в Совете безопасности. В статье 27 устава организации Объединённых наций сказано, что решения по непроцедурным вопросам принимаются большинством в 7 голосов Совета безопасности, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета безопасности. Для того, чтобы можно было внести изменения в Конвенцию 1921 года, предусмотренные статьёй 7, необходимо иметь не только согласие двух третей государств по статье 42, но необходимо, чтобы в число этих двух третей входили все члены Европейской Дунайской комиссии. В статье 7 сказано — при участии *всех* государств, представленных в комиссии. Это есть гарантия государств — членов Европейской Дунайской комиссии, что, помимо их воли, помимо их желания, помимо их интересов, никакие изменения в уставе конвенции по вопросу о полномочиях Европейской Дунайской комиссии внесены не будут.

Это единственно возможное толкование статьи 7 и статьи 42. Иначе получается вопиющее противоречие между статьёй 7 и статьёй 42. Иначе выходило бы, что статья 7 отменяет статью 42. Но это не так, правило статьи 7 было введено в конвенцию в целях дачи гарантии Великобритании и Франции, что против их воли конвенция в отношении полномочий Европейской Дунайской комиссии не может быть изменена.

Вот почему советская делегация считает, что никакого противоречия здесь нет, что статья 7 органически связана со статьёй 42, что в статье 7 даётся особое правило, но сохраняется основная идея статьи 42, которая гласит, что всякое изменение в конвенции было возможно лишь тогда, когда предварительно две трети государств сделают заявление о своём согласии с такими изменениями. Статья 7 гарантирует и перестраховывает интересы Великобритании и Франции, привилегии 4 государств, входящих в Европейскую Дунайскую комиссию. Статья 7 сохраняет их право и даёт возможность держать в своих руках основные рычаги управления и контроля за всем судоходством на Дунае.

Вот юридические соображения, которые я счёл нужным сейчас изложить для того, чтобы внести ясность в ту путаницу, которую здесь пытался создать мой уважаемый оппонент, председатель английской делегации.

Я к этому добавлю следующее. Допустим, что прав г-н Пик и его юристы, что действительно, когда говорит статья 7, то молчит статья 42. Допустим, что это так. Но что говорит статья 7? Она говорит: изменения возможны при участии *всех* государств, подписавших Конвенцию 1921 года. Позвольте спросить, кто же в

1938 году состоял в комиссии? — Англия, Франция, Румыния, Италия. А кто подписал соглашение 1938 года? — Англия, Франция и Румыния. А где же Италия? У вас сказано: *все государства*, представленные в комиссии, но Синайское соглашение 1938 года подписали не все 4 государства, а только 3. А где же четвертое государство? Где голос этого государства? Где его суверенная воля? Где его приобретённое в 1921 году право?

Вот почему я совершенно серьёзно говорю, что соглашение 1938 года грубо нарушило Конвенцию 1921 года, под которой стоят подписи Великобритании и Франции. Конвенция 1921 года была разрушена уже тем, что она была изменена в очень существенной части, и притом с нарушением правила, установленного статьёй 7.

Вы не согласны с моим толкованием статей 42 и 7. Допустим, что вы правы. Но всё-таки, где подпись Италии? Я буду ждать ещё 72 часа — может быть, вы найдёте ответ. Я даже готов дать ещё 144 часа, чтобы вы нашли ответ. У меня ответ уже есть, он уже дан.

Так обстоит дело с «приобретёнными правами». В чём у нас спор? Спор вот в чём. Г-н Тьерри при поддержке г-на Пика и г-на Кеннона заявил, что не будет признана сила за той конвенцией, которая не будет одобрена всеми теми государствами, которые подписали предыдущую конвенцию, т. е. Конвенцию 1921 года. Я на это ответил, что Конвенция 1921 года не существует, её уже нарушили те, кто в 1938 году заключили с нарушением статьи 42 соглашение, которое имеет очень существенное значение. Это значение действительно весьма существенно потому, что речь идёт, в сущности говоря, не о каких-то второстепенных изменениях, а вот о чём: ведь по Синайскому соглашению 1938 года Европейская Дунайская комиссия была сведена на нет. Ведь тогда было учреждено Автономное управление Нижнего Дуная, куда и перешли права Европейской Дунайской комиссии. Я не возражаю против этого. Я даже считаю это правильным, потому что права на Дунай должны иметь придунайские государства, а не государства, находящиеся за сотни километров от Дуная. Но я сейчас говорю о юридической стороне дела, о нарушениях Конвенции 1921 года. Эти нарушения касались не просто каких-нибудь навигационных мелочей. Дело шло о создании нового органа — Автономного управления Нижним Дунаем с новыми функциями, с новым объёмом полномочий. Это означало конец Европейской Дунайской комиссии. Это означало, что Великобритания и Франция не постеснялись обойтись с Конвенцией 1921 года, когда это им оказалось нужным, так, как повар обходится с картошкой. Г-н Пик закончил свою речь остроумным вопросом: «Кто же из нас повар и кто картошка?» Я предоставляю другим ответить на вопрос: действительно, кто из нас с г-ном Пиком повар, а кто картошка.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

(4 августа)

Господин председатель, мы приступаем к обсуждению проекта конвенции о режиме Дунайского судоходства, который представлен советской делегацией в распоряжение всех делегаций. В этой связи советская делегация считает необходимым сделать несколько пояснительных замечаний, которые показали бы сущность основных положений представленного советской делегацией проекта и главные отличия этого проекта от Конвенции 1921 года.

1. ЗНАЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ДУНАЯ И КОНВЕНЦИЯ 1921 ГОДА

Нам уже приходилось обсуждать в международном порядке проблемы Дуная, в частности, это имело место на Парижской мирной конференции в 1946 году в связи с рассмотрением мирных договоров, впоследствии заключённых с Румынией, Венгрией и Болгарией. В то время была сделана попытка рассмотреть вопросы, касающиеся режима Дунайского судоходства, попутно с рассмотрением мирных договоров с Румынией, Болгарией и Венгрией. Но ясно, что проблема Дуная представляет достаточно большое значение и достаточно серьёзный интерес для того, чтобы эту проблему сделать предметом рассмотрения специальной конференции; и все согласились впоследствии, что действительно необходима специальная конференция, которая теперь, 30 июля этого года, и начала свою работу в Белграде. Пришлось также согласиться и с тем, что участниками этой специальной конференции о режиме судоходства на Дунае должны быть прежде всего те страны, которые непосредственно заинтересованы в дунайской проблеме, именно — придунайские государства, и, как это было условлено между четырьмя государствами — инициаторами этой конференции — США, Великобританией, Советским Союзом и Францией, также и 3 недупайских государства, я не называю Советский Союз потому, что Советский Союз — придунайское государство. Я имею в виду в данном случае три недупайских государства, а именно: США, Францию и Великобританию. Нельзя не напомнить, что при обсуждении на Парижской конференции и в других случаях вопроса о Дунае со стороны некоторых государств проявлялась отчётливая тенденция сохранить действовавшую до войны Конвенцию 1921 года, которая предоставляла привилегированное положение на Дунае некоторым державам. Эта тенденция сохранить Конвенцию 1921 года, не внося в неё никаких существенных изменений, которые могли бы ограничить или отменить эти привилегии, достаточно отчётливо нашла своё выражение и на нашей конференции. Стоит только вспомнить те прения, которые в этой связи имели место 2—3 дня тому назад.

Какие же преимущества действительно предоставляла Конвенция 1921 года некоторым государствам, которые и сейчас ещё

продолжают настаивать на том, что эта конвенция не потеряла своей силы и что всякая другая конвенция должна, в сущности говоря, лишь повторить то основное, что содержится в Конвенции 1921 года?

Я хотел бы кратко остановиться на этом вопросе, поскольку речь идёт о том, чтобы отменить различия между Конвенцией 1921 года и тем проектом, который сейчас находится у нас на рассмотрении.

Можно сказать, что основное в Конвенции 1921 года — это привилегированное положение недунайских государств, то, что нашло своё выражение в выступлениях некоторых делегаций, употребивших крылатую фразу о «приобретённых правах». Но, как это было ещё высказано на Парижской конференции 1946 года, Конвенция 1921 года, предоставлявшая привилегии недунайским государствам, не находит себе никакого оправдания, особенно в нынешних условиях. Мало того, сейчас Конвенция 1921 года и юридически прекратила своё действие, потеряла силу, в связи с теми изменениями, которые были впоследствии в неё внесены. Здесь идёт речь не столько о том, что были такие изменения внесены, а скорее о том порядке, в котором эти изменения были внесены. Эти изменения были внесены в нарушение порядка, установленного самой Конвенцией 1921 года, и это лишает основания ссылаться на то, что Конвенция 1921 года действует. Следовательно, теряют значение и лишены основания ссылки на то, что никакая другая конвенция не сможет войти в силу раньше, чем державы, подписавшие Конвенцию 1921 года, не изъявят своего согласия принять новую конвенцию, которая будет подписана на настоящей конференции.

Я говорю, что эта позиция западных держав уже раньше отвергалась. Нам кажется также неправильным исходить при рассмотрении проблемы Дуная в настоящее время из того принципа, который подчёркивался на Парижской конференции 1946 года теми делегациями, которые выдвигали требования, чтобы будущая конвенция удовлетворяла принципу так называемых «равных экономических возможностей». Уже тогда было показано, что означают эти «равные экономические возможности» в настоящих условиях. Уже тогда было показано, что этот принцип не нашёл своего применения ни к одной из рек международного значения. Тогда указывалось на Суэцкий канал, на Панамский канал и на ряд других международных водных путей сообщения, в том числе речных, не знающих применения этого принципа, который некоторые делегации энергично старались применить именно к Дунаю. Советская делегация и это считает правильным.

2. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА КОНВЕНЦИИ

Советская делегация исходит из того, что новая конвенция должна обеспечить свободное судоходство на Дунае, в соответствии с интересами и с суверенными правами придунайских стран, а также в целях укрепления экономических и культурных связей придунайских стран между собой и с другими странами.

Отстаивая этот принцип, Советский Союз добился того, что в декабре 1946 года четыре ведущие мировые державы — США, Великобритания, Советский Союз и Франция согласились, чтобы в будущую конвенцию была включена статья — головная, руководящая, определяющая и дающая тон всей будущей конвенции, касающаяся режима судоходства на Дунае. По этому вопросу было достигнуто соглашение в такой редакции, что навигация на Дунае должна быть свободной и открытой для граждан, торговых судов, товаров всех государств на основе равенства в отношении портов и навигационных сборов и условий торгового судоходства. Это решение — я должен это подчеркнуть — является весьма важным, я повторяю. Оно, как это было и в статье 1 Конвенции 1921 года, определяет основное политическое и экономическое направление всего содержания будущей конвенции, которое признали четыре державы обязательным для себя. Это основное; это, я бы сказал, программа, из которой следует исходить для того, чтобы дать конвенции определённое направление и во всех остальных её частях, которые не могут не воспроизводить основные идеи и принципы, выраженные в головной статье.

Но это положение, которое выражено в только что оглашённом мною проекте статьи 1 конвенции о режиме Дунайского судоходства, весьма существенно отличается от положения в соответствующей статье Конвенции 1921 года. Я считал своей обязанностью обратить на это внимание конференции для того, чтобы не оставить никакого сомнения в тех основных предпосылках, из которых исходит Советский Союз, предлагая конференции новый проект Дунайской конвенции.

Таков первый пункт, на котором я счёл нужным остановиться, характеризуя отличие нашего проекта новой конвенции от ранее действовавших конвенций на Дунае, в том числе, разумеется, и Конвенции 1921 года и ещё более ранних конвенций 1856 года и 1878 года.

Второй пункт, на котором я хотел бы остановиться, — это самое понятие «Дунай». Понятие Дунайской речной системы, как известно, в Конвенции 1921 года охватывает не только самый Дунай, но также и целый ряд притоков, не только Дунай в его судоходной части от Ульма до Чёрного моря, но и притоки, перечисленные в статье второй Конвенции 1921 года, где мы видим и Тиссу, и Мораву, и Тайю, и Драву, и Марош, где не указаны, правда, соединительные или обводные каналы, но указано, что такие каналы могут быть впоследствии включены в Дунайскую систему, когда они будут построены.

Советский проект исходил из того, что Дунайская речная система должна включать в себя лишь собственно Дунай как таковой, т. е. без притоков. Ни Тисса, ни Тайя, ни Драва, ни Морава и т. д., ни соединительные, ни обводные каналы не должны включаться в эту систему. Советская делегация исходит при этом из политической и экономической целесообразности. В этом отношении проект стоит на позиции, на которой стояла и Конвенция 1856 года, которая тоже ограничивала Дунайскую речную систему одним Дунаем.

3. ДУНАЙСКАЯ КОМИССИЯ

Третье, весьма существенное отличие представленного нами проекта от Конвенции 1921 года касается организационных вопросов. В нашем проекте устанавливается вместо двух дунайских комиссий, какие имели место в Конвенции 1921 года, а именно — вместо Европейской Дунайской комиссии, или комиссии морского Дуная, и Международной Дунайской комиссии, или комиссии речного Дуная, — одна единая Дунайская комиссия. Ражно отметить, что существенное отличие советского проекта от Конвенции 1921 года заключается в том, что Дунайская комиссия по советскому проекту должна состоять из представителей только придунайских государств. Это соответствует основному принципу, а именно — принципу, что дело регулирования, контроля, обеспечения судоходства на Дунае должно быть обязанностью и правом придунайских государств — хозяев земель, по которым протекает Дунай. Достаточно напомнить об этих фактах, чтобы было ясно, в чём заключается принципиальная разница между проектом советской делегации и Конвенцией 1921 года как в отношении исходных позиций, так и в отношении тех организационных вопросов, которые я сейчас затронул.

В этой связи следует обратить внимание на статью 7 проекта советской делегации о компетенции Дунайской комиссии. Главная особенность нашего проекта в данной части заключается в том, что на комиссию возлагаются такие функции, как наблюдение за исполнением постановлений конвенции, составление общей сметы расходов, общего плана основных работ по улучшению судоходства, причём этот общий план работ по улучшению судоходства на Дунае, который составляется Дунайской комиссией, должен опираться на проекты и предложения придунайских государств. Кроме того, советским проектом по статье 7 Дунайской комиссии представляется возможность и право производить работы в некоторых случаях, которые предусмотрены другой статьёй этого проекта конвенции — статьёй 4. Именно, когда какое-либо придунайское государство окажется не в состоянии выполнить работы, какие относятся к его компетенции, эти работы могут быть выполнены Дунайской комиссией. Дунайской комиссии поручается также проектом консультация придунайских государств по разным областям вопросов судоходства. На Дунайскую комиссию возлагается по нашему проекту установление единой системы навигации, унификация права речного надзора, координация гидро-метеорологической службы на Дунае, введение статистики судоходства на Дунае, издание всякого рода справочников, лоций, навигационных карт, атласов, утверждение бюджета и, наконец, установление и взимание предусмотренных конвенцией сборов, тех сборов, которые будут устанавливаться комиссией. Каждое придунайское государство для покрытия своих расходов по производству работ и по содержанию Дуная в должном состоянии также будет иметь право устанавливать сборы по своему усмотрению, однако руководствуясь теми основными принципами, которые будут утверждены Дунайской комиссией.

4. СПЕЦИАЛЬНЫЕ РЕЧНЫЕ АДМИНИСТРАЦИИ

Разделы 2 и 3 проекта Конвенции 1921 года посвящены вопросу о специальных речных администрациях. Советский проект сохраняет две специальные речные администрации, которые уже существовали раньше и до сих пор существуют. Это — так называемые Речная администрация Железных Ворот и Администрация в низовьях Дуная, роль которой играет сейчас Автономная румынская дирекция морского Дуная.

Исходя из принципа суверенности придунайских государств и их суверенных прав на Дунае в соответствующих территориальных границах, советский проект предлагает в состав этих двух речных специальных комиссий включить лишь представителей тех прибрежных государств, территории которых лежат по обе стороны протекающего на их участках Дуная. Таким образом, в одном случае мы будем иметь речную администрацию в составе двух государств — Югославии и Румынии, и в другом случае мы будем иметь администрацию, речную администрацию в составе тоже двух государств — Румынии и Советского Союза. Я не считаю необходимым останавливаться более подробно на обосновании этого положения, поскольку мне кажется, что сделанные мною ссылки на принцип уважения суверенных прав прибрежных государств достаточно объясняют смысл и мотивы той позиции, которую в этом вопросе занимает проект советской делегации.

Что касается существа деятельности этих речных администраций, советский проект, в отличие от конвенций 1921 и 1939 годов, исходит из необходимости предоставить специальным речным администрациям гораздо более автономные права, чем это было раньше, и это очень отчетливо проходит по целому ряду статей нашего проекта, о которых я сейчас не упоминаю для сокращения времени и которые детали могут быть рассмотрены, очевидно, специальным комитетом, который займётся рассмотрением нашего проекта.

5. ДРУГИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Глава III нашего проекта посвящена другим организационным вопросам — вопросам режима судоходства, навигации и лоцманской службы. Наш проект имеет в виду, что правила плавания в низовьях Дуная, а также в районе Железных Ворот будут устанавливаться самими администрациями указанных районов. Однако для того, чтобы избежать разнобоя, который был бы безусловно вреден для судоходства по Дунаю, наш проект предусматривает, что правила навигации, устанавливаемые этими администрациями, так же как и любым придунайским государством, должны учитывать основные положения о плавании по Дунаю, устанавливаемые Дунайской комиссией, как об этом говорится в статьях 7 и 20 проекта.

Статья 21 нашего проекта устанавливает, что суда, плавающие по Дунаю, имеют право с соблюдением правил, установленных

соответствующими придунайскими государствами, заходить в порты, производить в них погрузочные и разгрузочные операции, посадку и высадку пассажиров, пополнять запасы топлива, предметов снабжения и т. д.

Статья 23 содержит требование, чтобы санитарные и полицейские правила, применяемые на Дунае, осуществлялись без дискриминации по мотивам национальной принадлежности судов либо по каким-либо другим мотивам.

Кроме того, в проекте имеется специальная статья 24, в которой говорится о функциях таможенного, санитарного и речного надзора, которые также передаются в руки придунайских государств, причём эти государства должны сообщать Дунайской комиссии издаваемые ими правила для того, чтобы эта комиссия могла содействовать унификации этих правил. В этой статье также подчёркивается, что ни таможенные, ни санитарные, ни полицейские мероприятия ни в какой мере не должны мешать судоходству. Эта же статья предусматривает право прибрежных государств при прохождении транзитных грузов требовать от капитанов кораблей заявления о грузах, которые запрещены для ввоза в пределы данного государства. Это не означает, что прибрежное государство может запретить транзитный провоз этих грузов. Это означает лишь то, что данное государство имеет право на время прохождения этих грузов по территориальным водам данного государства опечатать эти грузы или поставить таможенных агентов для того, чтобы предотвратить возможные злоупотребления.

Проект конвенции предусматривает, что судоходство на остальных участках Дуная, кроме тех участков, которые относятся к районам Железных Ворот и Нижнего Дуная, будет осуществляться согласно правилам, которые будут устанавливаться соответствующей придунайской страной, а не Дунайской комиссией. Здесь находит своё подтверждение принцип уважения государственного суверенитета.

В проекте имеется весьма важная статья 27, которая воспрещает плавание по Дунаю военных кораблей всех непридунайских стран. Здесь имеется весьма существенное отличие от ранее действовавшей Конвенции 1921 года, которая в этом отношении делала исключения для некоторых недунайских государств, разрешая плавание военных судов этих государств от устья Дуная до Галаца. Известно, что в Конвенции 1921 года имеется статья 5, которая указывает на то, что сохраняются все правила и привилегии, установленные ранее действовавшими конвенциями. Здесь имеются в виду прежде всего статья 19 Парижского трактата 1856 года и статья 52 Берлинского трактата 1878 года, которые предоставляли военным судам великих держав указанную выше привилегию, в то время как другие государства этой привилегии были лишены. Проект советской делегации ликвидирует это положение. Вот текст статьи 27: «Плавание по Дунаю военных кораблей всех непридунайских стран воспрещается.

Плавание по Дунаю военных кораблей придунайских стран за пределами страны, флаг которой несёт корабль, может осуществ-

вляться только по договорённости между заинтересованными придунайскими государствами».

В этом существенное отличие от Конвенции 1921 года.

Раздел II данной главы посвящён лоцманской службе, которая организуется по правилам, аналогичным ранее действовавшим.

Глава IV — «Порядок покрытия расходов по обеспечению судоходства» — также не вносит никаких новшеств, поскольку прежняя практика является оправданной.

Проектом устанавливается, между прочим, что никакие сборы за транзит, как таковой, взиматься не будут с судов, плотов, товаров и пассажиров, что сборы, взимаемые за производство работ по поддержанию Дунайской системы в должном порядке, будут устанавливаться комиссией, соответствующими администрациями и прибрежными государствами и не должны приносить прибыли. Точно так же и тарифы лоцманских сборов в низовьях Дуная и в районе Железных Ворот устанавливаются соответствующими администрациями с сообщением комиссии.

Глава V состоит из 2 статей и носит заключительный характер. Статья 41 определяет порядок разрешения споров между подписавшими конвенцию странами по тем или иным вопросам, касающимся неясности или различных толкований отдельных статей и положений этой конвенции. Эта статья предусматривает установление арбитражного порядка, и в этом её отличие от Конвенции 1921 года.

Статья 42 имеет также серьёзное значение потому, что она устанавливает порядок вступления в силу настоящей конвенции. Она предусматривает, что конвенция войдёт в силу после сдачи на хранение 6 ратификационных грамот правительству Югославии.

К проекту конвенции имеются два приложения. Одно — о вхождении Австрии в состав Дунайской комиссии после урегулирования вопроса о договоре с Австрией и дополнительный протокол к конвенции в виде второго приложения, который констатирует, что ранее применявшийся режим судоходства на Дунае, равно как и акты, предусматривавшие установление этого режима, в частности Конвенция 1921 года, утратили свою силу. Говорится, что достигнуто соглашение относительно признания погашенными всех обязательств Европейской Дунайской комиссии и Международной Дунайской комиссии по оплате кредитов, которые были предоставлены ей Великобританией, Францией, Россией и другими государствами, и других обязательств. Говорится также о переходе имущества бывших Европейской Дунайской комиссии и Международной Дунайской комиссии в распоряжение соответствующих администраций.

Содержание приложений является столь очевидным, что я не буду задерживать на этом вашего внимания.

Таково содержание в основных чертах проекта о режиме судоходства на Дунае, внесённого делегацией Советского Союза. Мы видим, что этот проект в полной мере удовлетворяет тем требованиям, о которых мы говорили вначале. Это — справедливая конвенция. Она построена на уважении суверенных прав придунайских

государств и народов, на устранении привилегированного положения на Дунае недунайских государств, на устранении всякого экономического и политического контроля с их стороны над Дунаем и придунайскими странами.

Конвенция, предложенная Советским Союзом, откроет путь для дальнейшего развития экономических и культурных связей придунайских стран между собой и с другими странами, внесёт новый большой вклад в дело мира и международного сотрудничества.

«Известия» № 184 (9714)
от 5 августа 1948 г.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

(6 августа)

1. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Прения по советскому проекту конвенции закончились. Можно подвести некоторые итоги.

Как теперь видно, главные вопросы, на которых сосредоточивается внимание конференции, заключаются в следующем. Самое основное — это проблема свободы судоходства на Дунае, организация такого режима Дунайского судоходства, такой системы мероприятий, которые урегулировали бы Дунайское судоходство, чтобы они опирались на принцип свободы судоходства и в этом смысле соответствовали бы тем положениям, которые были согласованы в своё время между четырьмя великими державами в Совете министров иностранных дел в 1946 году.

Второй вопрос — это вопрос об организации самого управления, вопрос о Дунайской комиссии и о специальных речных комиссиях, с одной стороны, и вопрос о компетенции Дунайской комиссии — с другой стороны. Это, разумеется, и вопрос о самом составе Дунайской комиссии.

Наконец, третий вопрос, который представляется очень важным и в зависимости от решения которого должны быть решены только что названные мною два вопроса, — это вопрос об объёме и характере прав прибрежных государств, вопрос о том, будут ли прибрежные государства иметь тот объём прав, который в полной мере соответствует принципу их суверенности и суверенного равенства, или же в основу будет положен какой-либо другой принцип, как об этом здесь также достаточно ясно говорят два документа — проект, представленный американской делегацией в противовес проекту советской делегации, и документ об основных принципах будущей конвенции, который представила английская делегация. По этим трём основным вопросам — о проблеме судоходства на Дунае, о связанных с этим организационных вопросах режима судоходства и управления Ду-

наем, об объёме прав как Дунайской комиссии, так и прибрежных государств, о самом составе Дунайской комиссии и о самом факте существования или несуществования двух специальных речных комиссий — мы имеем 3 документа: проект конвенции, внесённый советской делегацией, проект конвенции, внесённый американской делегацией, и основные принципы будущей конвенции, изложенные английской делегацией. Кроме того, в результате прений поставлен ещё вопрос о Международном суде для разрешения спора о том, должна ли Конвенция 1921 года считаться действующей, и какие государства являются сторонами в этой конвенции, которые якобы связывают конвенцию своим согласием и в зависимости от согласия которых ставится также вопрос о правомерности будущей конвенции о Дунае, которую призвана разработать и утвердить нынешняя конференция 10 держав, собравшаяся по инициативе четырёх держав, согласно их решению, принятому в Нью-Йорке в 1946 году.

Позвольте мне кратко остановиться на вопросах, которые в этой связи были поставлены некоторыми делегациями.

2. ПОЗИЦИЯ США В ДУНАЙСКОМ ВОПРОСЕ

Я останавлиюсь на выступлении г-на Кеннона. Кеннон, во-первых, говорит о том, что основная задача конвенции заключается в том, чтобы обеспечить свободное судоходство на Дунае. Это верно, но этому в полной мере удовлетворяет статья 1 советского проекта, та самая статья, которую американская делегация помещает в качестве одного из параграфов преамбулы своего проекта. Следовательно, здесь у нас споров нет. Все мы согласны на формуле, согласованной 2 года тому назад четырьмя державами — США, Великобританией, Советским Союзом и Францией в декабре 1946 года, которая вошла в качестве особых статей — соответственно 34, 36, 38 — в мирные договоры с Болгарией, Румынией, Венгрией и является теперь главным принципом, положенным в основу проекта конвенции СССР. Это есть руководящая идея, программа, на основе которой должна быть построена вся конвенция. Удовлетворяет ли этому требованию советский проект? Я думаю, что по этому вопросу двух мнений быть не может. Конечно, удовлетворяет, и доказательством этому служит то, что американский проект помещает эту же формулу в преамбуле своего проекта. Разница, однако, заключается в том, что, повторив эту формулировку в преамбуле своего проекта, американская делегация в то же время в статье 1 даёт такую формулировку свободы судоходства, которая идёт по другому направлению, чем то, которое ранее было согласовано четырьмя державами и 21 державой при заключении мирных договоров с Румынией, Венгрией, Болгарией, которое вошло в согласованный проект будущего статута Дуная и которое мы воспроизвели в статье 1 своего проекта. Разница в том, что мы последовательно действуем, т. е. мы говорим в статье 1 о свободе судоходства в той формулировке, которая была согласована и не подлежит никакому, по моему мнению, изменению, тогда

как американская делегация считает возможным в преамбуле сказать так, как это было согласовано между четырьмя державами, а в статье 1 сказать иначе, далеко отойти в сторону от того, что было между нами согласовано.

Американский проект, повторив согласованную формулу, определяющую принципы судоходства, а также объём и характер свободы судоходства, о которых мы договорились ещё два года тому назад, в статье 1 своего проекта даёт другую формулу, отражающую не согласованную между четырьмя державами точку зрения, а свою, американскую точку зрения. Разумеется, мы не можем согласиться с таким предложением.

В американском проекте конвенции имеется ряд и других статей, совершенно неприемлемых. Неприемлема, например, статья 10 проекта, которая *предлагает* совершенно другой состав Дунайской комиссии, чем советский проект, и притом неправильно *предлагает* другой состав. В Нью-Йорке в 1946 году было достигнуто соглашение о том, что Австрия присоединится к конвенции и войдёт в комиссию после того, как будет урегулирован вопрос о договоре с Австрией. Между тем, американский проект предлагает сейчас в Дунайскую комиссию включить и представителя Австрии. Это расходится с предварительной договорённостью, достигнутой ранее между США, Англией, СССР и Францией. Это выражено в письменном тексте решения, принятого представителем США г-ном Бирнсом, представителем Великобритании г-ном Бевином, представителем Франции г-ном Кув де Мюрвилль и представителем Советского Союза министром иностранных дел В. М. Молотовым. Кроме того, американский проект включает в Дунайскую комиссию представителей недунайских государств, что противоречит изложенному выше принципу относительно прав придунайских государств. Это делает статью 10 неприемлемой. Неприемлема также и статья 17 проекта, которая функции Дунайской комиссии изображает таким образом, что хозяевами на Дунае являются не прибрежные государства, а Дунайская комиссия, что Дунайская комиссия будет главным полем деятельности всех прибрежных государств, что она будет главным судьёй, арбитром, потому что она будет рассматривать жалобы, заниматься толкованием конвенции и т. д. Дунайской комиссии, таким образом, передаются по пункту 17 американского проекта такие полномочия, которые совершенно отодвигают на задний план прибрежные государства, что прямо расходится с основным принципом, о котором я только что говорил, — уважения суверенитета прибрежных государств и их суверенного равенства.

Я не могу не остановиться и на некоторых других статьях американского проекта, потому что они имеют существенное значение, но также оказываются неудовлетворительными, и не только с точки зрения авторов проекта СССР, но, как мы могли убедиться, и с точки зрения других шести придунайских государств, представители которых здесь выступали по этому вопросу.

Г-н Кеннон говорил, что он не согласен с мнением советской делегации, считающей якобы нашу конференцию политической. Он утверждал, что и конференция и конвенция не имеют политического

значения. Я должен сказать, что советская делегация не заявляла того, что ей приписывает г-н Кеннон, что наша конференция и конвенция не имеют экономического значения. Мы говорили, что Дунайская конференция должна заниматься не только экономическими и техническими вопросами и что изображать нашу конференцию как техническую было бы ошибочным, было бы грубой ошибкой, потому что здесь решаются вопросы не только экономического характера, но и вопросы политические, причём политическим вопросам нельзя не придавать серьёзного значения. А разве американская делегация не придаёт такого значения политическим вопросам? Конечно, придаёт, о чём можно судить по речи г-на Кеннона, когда он говорил о том, какое значение имеет Дунай и конвенция по Дунаю для США, когда он говорил об этой «струе миллиардов американских долларов, машин, промышленных товаров по программе американского восстановления Европы», когда он здесь популяризировал «план Маршалла», рекомендуя его в качестве руководящего начала для всей деятельности на Дунае. И разве это лишено политического смысла, не носит политического характера? Известно, что собой представляет «план Маршалла», который в действительности носит глубоко политический характер. Я думаю, что на этом можно было бы детально не останавливаться и что должно быть ясно, что политические вопросы здесь, на этой конференции, как и в будущей конвенции, не могут не играть серьёзной роли. Американская делегация отрицает политическое значение дунайской проблемы, напоминая на важность для США Дуная с экономической стороны. Интересно действительно проанализировать, какое экономическое значение играл Дунай для американского хозяйства, для США в целом в прошлом? Если обратиться к данным о Сулинском канале за 25 лет (с 1912 по 1938 год), то можно увидеть, что в судообороте по выходу из Сулинского канала на долю придунайских стран падало в 1912 году 24 процента судооборота, в 1930 году — 10,6, в 1938 году — 31,4 процента, а на долю непридунайских стран падало в 1912 году 73 процента судооборота, в 1930 году — 84,4 и в 1938 году — 67,9 процента. Придунайские страны имели судооборот по всему Дунаю меньше. Это объясняется слабым развитием в то время экономики придунайских государств. За эти 10 лет картина решительно меняется.

Какое распределение среди непридунайских флотов имеется по национальным флагам? Английский флот имел 30,7 процента в 1912 году и 10 процентов в 1938 году; французский флот имел 1,9 процента в 1912 году, 0,8 процента в 1938 году, французский флот, правда, имел 3,4 процента в 1930 году. На присутствие на Дунае американского флота статистика не делает никаких даже намёков...

Если взять любую таблицу именно о тоннаже Дунайского торгового флота в 1914, в 1923, в 1930 и 1938 годах, то здесь получается такая картина: придунайские государства в 1914 году имели 77,5 процента по всей мощности флота и 67,2 процента по всему тоннажу, а недунайские государства соответственно 22,5 процента и 32,8 процента. Ни на долю Франции, ни на долю Англии не при-

ходится ни одной десятой процента, которую могла бы отметить статистика Дунайского судоходства. То же надо сказать и о США. В 1923 году соответственно на долю придунайских стран падает 88 процентов к мощности всего флота и 85,1 процента — к тоннажу всего флота. На долю недунайских государств приходится соответственно 12 процентов и 14,9 процента. Франция имеет 4,6 процента по отношению ко всей мощности, а относительно Англии нет никаких статистических показателей. По отношению к тоннажу она имела 0,3 процента. Что касается США, то кораблей под флагом США статистика на Дунае ни в 1914 году, ни в 1923 году не отмечает. В 1930 году в отношении США положение такое же. В 1938 году положение в отношении США такое же. Англия в 1938 году имела 0,5 процента всей мощности флота, Франция — 2,2 процента.

Вот, в сущности говоря, как объективными цифрами характеризуются экономические интересы Франции, Англии, США на Дунае в прошлом. Нельзя сказать, чтобы это были очень серьёзные экономические интересы. Тогда какие же интересы здесь преобладали? Я отвечаю: преобладали политические интересы. Это безусловно так, и это не только моё мнение. Я позволю себе процитировать статью из «Манчестер гардиан», опубликованную 28 июля с. г., т. е. накануне нашей конференции. В этой статье говорится, что в 1921 году Франция пыталась использовать Европейскую Дунайскую комиссию для того, чтобы оказывать политическое влияние из Будапешта. Это подтверждается цифрами, характеризующими небольшую экономическую заинтересованность Франции, Англии и США на Дунае. Статья из «Манчестер гардиан» содержит и ответ господину Кеннону. Я не хочу представлять вещи в преувеличенном виде. Конечно, не бывает политики без экономики. Политика всегда имеет в своей основе экономические интересы. Это бесспорная истина. Но бывает и так, что иногда интересы политические превалируют, являясь сильным инструментом в руках их обладателей для того, чтобы осуществлять и экономические дела.

Плутно должен сказать несколько слов по поводу допущенных господином Кенноном извращений относительно смешанных советско-румынских, советско-венгерских и советско-югославских пароходных обществ на Дунае. Господин Кеннон говорил о Советском Союзе, о том, что за эти годы Советский Союз всё забрал на Дунае в свои руки, обеспечил себе привилегированное положение и контроль, так что он доминирует, как выразился Кеннон, на Дунае. Господин Кеннон заявил, что он не понимает, как при таком положении могут некоторые делегаты говорить, что новая конвенция освобождает дунайские страны от того контроля и от того давления, которые осуществлялись ранее на основе конвенций 1856, 1878 и 1921 годов. Господин Кеннон разъяснил, что он имеет в виду советско-румынское, советско-венгерское и советско-югославское соглашения о смешанных пароходных обществах. Но стоит внимательно ознакомиться с этими договорами, чтобы убедиться, что всё сказанное по этому вопросу американским делегатом лишено всякого основания. Рассматривая эти договоры, нельзя упускать из виду, что, во-первых, все эти смешанные пароходные общества не частные, а государ-

ственные общества, во-вторых, они организованы на паритетных началах при одинаковом участии в управлении данного общества представителей той и другой стороны при обязательном председательствовании в управлении венгерских, румынских, югославских представителей и ни в коем случае — советских представителей. Какие права этих обществ? В договорах имеется статья, которая говорит о том, что вся деятельность такого общества осуществляется в соответствии с законами и положениями данного государства и что общества пользуются всеми правами, как всякое другое национальное общество. Наконец, нужно обратиться к вопросу о цели учреждения этого общества. Эта цель определяется, как эксплуатация речного транспорта на Дунае в интересах обоих государств. Никаких преимуществ для Советского Союза в этих договорах мы не находим. Действительно, в договорах имеются статьи, согласно которым соответствующее правительство освобождает от обложения налогами те первоначальные взносы, которые СССР вносит в качестве своего пая в общий акционерный капитал. В соглашении с Румынией эта статья сформулирована следующим образом: правительство Румынии не будет взимать налогов, относящихся к учреждению общества. Аналогичная статья имеется и в соглашении с Венгрией и с Югославией. В соглашении с Югославией указывается, что правительство Югославии не будет взимать налогов, относящихся к увеличению акционерного капитала общества, и не будет облагать таможенными пошлинами оборудование и материалы, ввозимые в Югославию в покрытие взноса советской стороны.

Но это совсем не то, о чём говорил г-н Кеннон, несправедливо критикуя упомянутые договоры. В свете такого рода фактов, какую цель имеет замечание о том, что Советский Союз всё захватил в свои руки, обеспечил себе безраздельный контроль и т. д. Какие бы ни были мотивы такого заявления, во всяком случае это — совершенно необоснованное заявление. Это противоречит тем документам, которые я сейчас огласил и которые при внимательном отношении к ним не дают возможности говорить то, что сказал представитель американской делегации.

Г-н Кеннон говорил, что конвенция должна быть построена так, чтобы не было затруднений для работы в отношении навигации. В нашем проекте это совершенно отчётливо сказано в нескольких местах. Г-н Кеннон говорил о недопустимости никакой дискриминации — у нас тоже это сказано в статьях 1, 20, 37 и 38. Разве этого не достаточно? Разве это не гарантирует свободу судоходства, которую защищает Советский Союз, оставаясь на почве того согласованного два года тому назад между четырьмя великими державами решения, которое выражено в постановлении, принятом тогда Советом министров иностранных дел и включённом теперь в советский проект конвенции!

Г-н Кеннон делает ссылку на организацию Объединённых наций в той части, которая касается разрешения всякого рода споров. Г-н Пик, который представил свои основные принципы Дунайской конвенции по организации Дунайского судоходства, пошёл дальше, с точки зрения разъяснения позиции своей делегации.

Он имеет в виду, что организация Объединённых наций должна быть контролёром над тем, как будет конвенция применяться на Дунае. По крайней мере, в основных положениях английской делегации в разделе 4 в параграфе «Ф» говорится, что в конвенции должны быть предусмотрены достаточные гарантии для обеспечения того, чтобы комиссия могла осуществлять свои полномочия по контролю, чтобы Дунайское судоходство было действительно свободным и международному характеру реки не наносилось бы ущерба и что с этой целью в конвенции должно быть предусмотрено положение, чтобы Дунайская комиссия вступила в связь с организацией Объединённых наций и представляла Экономическому и социальному совету, Экономической комиссии для Европы и Транспортной комиссии доклады о действии конвенции. Что это означает, как не то, что прибрежные государства, которые по советскому проекту будут осуществлять эту конвенцию, ставятся по проекту США и Великобритании под контроль органов организации Объединённых наций. Американская делегация желает, чтобы Экономический и социальный совет, состоящий из 18 государств, в котором подавляющее большинство не имеет никакого отношения к Дунаю, являлся главным контролёром и нес главную ответственность за Дунайское судоходство для осуществления тех принципов, которые будут выражены в конвенции, за то, чтобы было обеспечено на Дунае свободное торговое судоходство на основе равенства в отношении портовых и навигационных сборов и торгового судоходства. Разве это не является открытой формой того давления, которое заранее предлагается обеспечить за государствами, не имеющими никакого отношения к Дунаю, во всяком случае имеющими гораздо меньше отношения, чем к Суэцкому каналу, Панамскому каналу или к судоходству на реке святого Лаврентия? Разве это не означает попытку обеспечить контроль за Дунайским судоходством со стороны этих, совершенно никакого отношения не имеющих к Дунаю, государств, экономические интересы которых ни в какой мере не связаны с задачами организации Дунайского судоходства? Это неприемлемо. Мы исходим из другого принципа, из того принципа, что все вопросы Дунайского судоходства должны быть в компетенции придунайских государств и что Дунайская комиссия должна быть не главным вершителем судеб на Дунае, а должна быть координирующим центром, чтобы не было разнобоя, чтобы не было противоречия между правилами судоходства, полицейского надзора, таможенного и санитарного надзора, которые будут установлены прибрежными государствами, чтобы устранить этот разнобой и обеспечить необходимое единство в этой области.

В своём выступлении г-н Кеннон напомнил о предложении послать на эту конференцию наблюдателей организации Объединённых наций. Он выразил затем сожаление, что Советский Союз не согласился с этим предложением. Однако он не сказал ничего о тех мотивах, по которым это предложение действительно советским правительством было отклонено. Поскольку г-н Кеннон затронул этот вопрос, я должен ответить на него. В самом деле, чем было вызвано предложение правительства Великобритании и организации

Объединённых наций послать на эту конференцию наблюдателей ООН? Почему на этой конференции понадобилось иметь наблюдателей от организации Объединённых наций, тогда как на других конференциях ни в Европе, ни в Америке таких наблюдателей не было? Естественно, СССР не счёл возможным согласиться на такое предложение, которое носило столь исключительный характер и не вызывалось никакими деловыми соображениями. Теперь, ознакомившись с основными положениями новой конвенции по Дунаю, предложенными английской делегацией, в которых особенно подчёркивается необходимость поставить Дунайскую комиссию под контроль организации Объединённых наций, становятся ясными и те мотивы, которыми, очевидно, руководствовался генеральный секретариат организации Объединённых наций и правительство Великобритании, выдвинувшее своё предложение о посылке на эту конференцию наблюдателей ООН. Это лишний раз подтверждает правильность позиции, занятой в этом вопросе советской делегацией.

3. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Советский проект конвенции исходит из того, что в Дунайской комиссии должны быть только представители прибрежных государств. Для этого имеются основания и с точки зрения международного права. Я мог бы в данном случае сослаться на юристов, принадлежащих к англо-американской ветви права. Например, если обратиться к известной работе Хайда по международному праву (1947 год), то можно увидеть, что, по его мнению, решение вопроса о характере режима, который должен применяться к водным путям, проходящим по территории соответствующих государств, должно быть предоставлено самим этим прибрежным государствам, или, как он говорил, «самим прибрежным суверенам». А как дело обстоит в американской практике? Известно, что на американских международных реках таких международных комиссий, как бывшая Европейская Дунайская комиссия или Международная Дунайская комиссия, нет вообще. Известно также, что первая Панамериканская конференция в 1889 году и затем 7-я Панамериканская конференция в 1933 году, которые специально останавливались на этом вопросе, признали, что регулированием судоходства и использования вод в этих реках должны заниматься сами прибрежные государства, что это — дело прибрежных государств. Ну, а если подойти ближе к Дунаю, как дело обстояло в этом отношении в прошлом? В американском проекте, между прочим, имеется такое место:

«Принимая во внимание, что регулирование судоходства на Дунае осуществлялось исторически на основе международных соглашений в интересах свободного судоходства и расширения торговли...» и т. д.

Интересно, в действительности, посмотреть, как исторически обстояло дело в этом отношении. Тогда придётся обратиться к Венскому акту 1815 года, в котором можно прочесть, например, следующее:

«Державы, через владения коих протекает или коим служит границею одна и та же судоходная река, обязываются постановить с общего согласия подробные правила для судоходства по той реке. Для сего будут ими назначены особые комиссары; они должны собраться не позднее как через шесть месяцев по окончании Конгресса и принять за основание Устава, который им будет поручено сочинить, нижеозначенные правила».

Вот что гласит статья I приложения к главному акту Венского конгресса 1815 года. На кого в 1815 году возлагалось установление правил для судоходства по Дунаю? — Только на прибрежные государства. Здесь так и сказано: державы, через владения коих протекает или коим служит границею одна и та же судоходная река, обязываются постановить с общего согласия подробные правила для судоходства по той реке.

Второй исторический пример даёт Конвенция 1856 года, о которой здесь также говорилось. Когда была учреждена Европейская Дунайская комиссия для приведения в действие постановлений 1856 года, не обошлось без того, чтобы в статье 17 этой конвенции не сказать.

«Будет также учреждена комиссия из членов со стороны Австрии, Баварии, Блистательной Порты и Вюртемберга (по одному от каждой из сих держав); к ним будут присоединены и комиссары трёх придунайских княжеств, назначенные с утверждения Порты. Сия комиссия, которая должна быть постоянною, имеет» и т. д.

Как видите, ещё в то время, когда существовала так называемая тогда Блистательная Порта, была учреждена постоянная Дунайская комиссия из одних только придунайских государств, и это было вполне законно. Вот как обстояло дело исторически. Теперь же, всуе ссылаясь на исторические прецеденты, как это делает проект американской конвенции, забывают, что именно является наиболее важным, кто именно является хозяевами Дуная. Даже тогда, когда великие державы не хотели допустить прибрежные государства к управлению Дунаем, они вынуждены были всё-таки считаться с историческими фактами, да и нельзя было с этим не считаться, это было совершенно неизбежно. Мы знаем, что Синайское соглашение 1938 года, в силу которого Европейская Дунайская комиссия утратила важную часть своих полномочий, является в конце концов компромиссом между, с одной стороны, Англией и Францией и, с другой стороны, Румынией, которая не желала считаться с Европейской Дунайской комиссией и требовала пересмотра полномочий этой комиссии.

Таким образом, мы исходим из того, что все доводы с точки зрения суверенности экономических интересов придунайских государств диктуются необходимостью поставить Дунай под управление самих придунайских государств. Это — основное положение, которым мы руководствуемся в нашем советском проекте конвенции. В этом мы расходимся с английской и американской делегациями. Мы за такую конвенцию, которая закрепила бы за придунайскими странами все права суверенных государств в отношении Дунайского судоходства. Делегации США и Великобритании против этого. Они хотят

вернуться к тем порядкам, которые все права на Дунае отдавали недунайским державам. Поэтому они и доказывают, что Конвенция 1921 года действует. Поэтому они и хотят, чтобы новая конвенция походила на старую, как две капли воды.

4. ПОПЫТКА ИСПОЛЬЗОВАТЬ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД

Такую попытку неожиданно сделала английская делегация, решившая, повидимому, поспешить на помощь французской делегации в её безуспешном отстаивании «приобретённых» 27 лет тому назад «прав». Настаивая на этих «приобретённых правах» — по Конвенции 1921 года — г-н Тьері обещал с документами в руках уничтожить юридическую аргументацию советской делегации относительно того, что Конвенция 1921 года потеряла силу. Но после его выступления я не почувствовал такого эффекта. Самый сильный аргумент, который использовал г-н Тьері, заключался в том, что в 1940 году было опубликовано коммюнике (а этому предшествовало соглашение), в котором Советский Союз заявил о том, что ликвидируются Международная Дунайская комиссия и Европейская Дунайская комиссия. Тьері рассуждал так: если в 1940 году потребовалось такое сообщение, значит, Советский Союз до 1940 года признавал, что Конвенция 1921 года сохраняет свою силу. Но я должен сказать совершенно обратное. Именно потому, что Конвенция 1921 года уже не действовала, утратила свою силу, и явилась необходимость ликвидировать те комиссии, которые потеряли всякое основание для своего существования, потеряли под своими ногами легальную почву. Как могли дальше действовать Международная Дунайская комиссия и Европейская Дунайская комиссия, когда не действовала сама конвенция, на основании которой эти комиссии были организованы? Можно только пожалеть, что лишь в 1940 году была оформлена ликвидация этих комиссий. Но по существу они были ликвидированы уже в 1938 году, после Синайского соглашения. Ведь известно, что Синайское соглашение вынуло из Европейской Дунайской комиссии её душу, её полномочия по управлению Дунаем, которые были душой этой комиссии. Без соответствующих полномочий комиссия — это не орган, а футляр, таким футляром и оставались ещё комиссии, созданные Конвенцией 1921 года. Вместо Европейской Дунайской комиссии действовало Автономное румынское управление на Нижнем Дунае, к которому перешли полномочия Европейской Дунайской комиссии ещё в 1938 году. Кстати, следует обратить внимание на то, что в коммюнике 1940 года не было сказано о ликвидации Конвенции 1921 года, а было сказано о ликвидации Международной Дунайской комиссии и Европейской Дунайской комиссии. Это ведь не одно и то же! Почему же в коммюнике 1940 года не было сказано о ликвидации Конвенции 1921 года? Да просто потому, что смешно говорить о покойнике, что он мёртв, когда это и так каждому ясно. Я думаю, что ссыла на коммюнике 1940 года — это самое сильное оружие, которое извлёк из своего

юридического арсенала французский делегат. Но этот аргумент, как бумеранг, имеет свойство бить назад. Мы теперь видим, что наш аргумент остался непоколебленным. В этой связи я должен обратиться к английской делегации, которая выступила со странным предложением передать вопрос о Конвенции 1921 года в Международный суд. Английская делегация изображает дело так, что вопрос якобы сложен и нужно его передать на рассмотрение Международного суда. Что на это мы можем ответить? Мы можем ответить, что совершенно не нужно затруднять Международный суд задачей решить вопрос, который ясен для всей конференции, кроме наших коллег гг. Пика, Кенниона и Тьерн. Для всех остальных вопрос настолько ясен, что не нуждается ни в каких судебных или арбитражных разъяснениях. По мнению большинства конференции, Конвенция 1921 года уже лет 10 как не действует, а тем самым устарели и все прежние конвенции, завершением которых она являлась, и все соглашения, связанные с её осуществлением, заключённые перед войной. Кроме того, предложение г-на Пика запросить Международный суд, действует ли Конвенция 1921 года и кто является её участником в настоящее время, не может не отразиться на работе нашей конференции. Мы должны будем остановить работу для того, чтобы запросить сначала суд, затем те государства, которые, предположим, по мнению Международного суда, будут признаны участниками этих старых конвенций, например, запросить Бельгию, Грецию, Италию. Но мы уже в 1946 году договорились созвать конференцию без участия этих стран. Не надо забывать, что в Совете министров иностранных дел в 1946 году ставился вопрос о приглашении Греции, но он был снят.

Итак, у нас есть уже согласованное решение относительно состава настоящей конференции, а нам теперь предлагают шахматным ходом относительно Международного суда и трибунала приостановить работу конференции и не двигаться с места, пока все те, которые могут быть эвентуально признаны сторонами в бывшей Конвенции 1921 года, не согласятся принять участие в новой конвенции. Нам предлагают фактически распустить эту конференцию и созвать новую, в другом составе. Вот почему я говорю, что самая постановка вопроса о том, действует ли Конвенция 1921 года в настоящее время и какие государства являются её участниками, не имеет отношения к работе данной конференции, потому что данная конференция призвана в том составе, который был согласован 2 года тому назад между четырьмя великими державами,—подготовить *новую конвенцию* о режиме судоходства на Дунае, вне зависимости от постановлений каких-либо ранее действовавших международных актов о режиме Дуная.

Если предполагается просто получить консультативное заключение от Международного суда, как можно было бы понять предложение английской делегации, то это не соответствует уставу организации Объединённых наций, потому что статья 96 этого устава определяет порядок получения консультативных заключений, т. е. они могут даваться по запросу Генеральной ассамблеи, Совета безопасности и иных уполномоченных на то её органов организации Объе-

динённых наций, вроде Экономического и социального совета и специализированных учреждений. Но ни к первому, ни ко второму, ни к третьему разряду нельзя отнести нашу конференцию, ряд членов которой к тому же пока даже не является членами ООН. Поэтому нужно, на мой взгляд, отклонить предложение английской делегации, так как нет никаких оснований принимать это предложение.

Я хочу ещё остановиться на замечании г-на Тьерри о том, что французское правительство не подписывало мирных договоров с Болгарией, Румынией и Венгрией и что в силу этого оно не отвечает за статьи 34, 36, 38 мирных договоров 1947 года с этими странами, которые говорят о судоходстве на Дунае и которые воспроизводятся в статье I советского проекта конвенции о Дунае.

Верно, что французское правительство не подписывало этих договоров, потому что оно не находилось в состоянии войны с этими государствами. Но дело совсем не в этом, а в том, что французское правительство в лице г-на Кув де Мюрвилля участвовало в ноябре — декабре 1946 года в Совете министров иностранных дел, где был согласован текст, который у нас воспроизводится в качестве статьи I советской конвенции. Таким образом, наша формулировка есть в то же время и французская формулировка в такой же мере, в какой она является английской и американской. За неё, эту формулировку, мы все четверо несём ответственность, ибо мы согласились с ней, и дело вовсе не в том, подписало ли французское правительство договоры, в которых эта формулировка значится под статьями 34, 36, 38, а важно, что текст этих статей был согласован полностью в Нью-Йорке при обсуждении дунайского вопроса. Таким образом, у французского представителя нет оснований отказываться от той ответственности, которую он несёт за эту формулировку, или возражать против неё. Я, впрочем, не утверждаю, что он возражает против статьи I в нашей редакции, хотя его и можно было так понять. Если, однако, это не так, то это имеет большое значение, потому что статья I проекта конвенции — ведущая статья, и принятие этой статьи определит успех сотрудничества всех присутствующих здесь 10 делегаций по одному из самых основных и важных вопросов, какие стоят перед конференцией.

Я не буду останавливаться на ряде других вопросов, отчасти потому, что они имеют второстепенное значение, отчасти потому, что не могу злоупотреблять временем, в чём я и так, кажется, грешен. Я позволю себе все остальные замечания, которые здесь были сделаны, рассмотреть во время работы Генерального комитета, в который и будут переданы все относящиеся к этому вопросу материалы.

«Известия» № 187 (9717)
от 8 августа 1948 г.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

(7 августа)

1. ЕЩЕ РАЗ О КОНВЕНЦИИ 1921 ГОДА
И МЕЖДУНАРОДНОМ СУДЕ

Я не предполагал вновь выступать по вопросу, по которому сегодня сделал подробное заявление председатель английской делегации. Советская делегация уже изложила свою позицию по поводу английского предложения о передаче на рассмотрение Международного суда вопроса о Конвенции 1921 года, а также о том, какие государства являются участниками действующих конвенций по Дунаю. Поскольку, однако, английская делегация сочла необходимым вновь выступить в защиту своего предложения, причём значительное место в этом выступлении было уделено позиции Советского Союза, я должен вернуться к этому вопросу. Моя задача облегчена выступлениями представителей Венгрии, Чехословакии, Румынии и Болгарии, которые подвергли английское предложение критике и представили весьма аргументированные соображения против этого предложения. Со своей стороны к сказанному ранее должен добавить следующее.

Английский делегат указал на то, что в его предложении идёт речь о получении от Международного суда не консультативного заключения, а решения по поставленному вопросу. Однако в английском документе и в объяснениях, которые были ранее сделаны английской делегацией, были употреблены такие формулировки, которые позволяли думать, что английская делегация ставит вопрос о передаче в Международный суд альтернативно, добиваясь или решения Международного суда по этому вопросу, или его консультативного заключения. Я указывал на то, что это предложение и в том и в другом случае лишено всякого основания. Я старался показать прошлый раз несостоятельность предложения английской делегации, рассчитывающей получить решение Международного суда и использовать его в качестве дополнительного аргумента в пользу своей позиции. Я старался показать, что такие доказательства не имеют под собой никакой правовой почвы. Сделанные мною ссылки на статью 96 статута Международного суда и на статью 36 устава организации Объединённых наций относились к вопросу о том, в каком порядке могут быть получены консультативные заключения Международного суда, причём моя аргументация сводилась к тому, что получение Дунайской конференцией консультативного заключения Международного суда, предложенное английской делегацией, не предусматривается установленным для этого порядком. Из этого следовало, что предложение обратиться в Международный суд за консультативным заключением, если можно так понять предложение английской делегации, также лишено правовых оснований. Теперь английская делегация разъяснила, что она добивается не консуль-

тативного заключения, а решения Международного суда. Это не меняет дела. Это ничего не меняет и в тех возражениях, которые мною были представлены раньше против английского предложения. Я постараюсь сегодня представить конференции дополнительные соображения, которые могли бы показать, что поднятый английской делегацией при поддержке делегаций США и Франции вопрос об обращении в Международный суд за решением по поводу того, сохраняет или не сохраняет свою силу в настоящее время Конвенция 1921 года, не имеет также и практического смысла, как вообще не имеет никакого отношения к текущей работе нашей конференции. Я должен вновь заявить, что решение Международного суда, которого добиваются три западные делегации, ни в какой мере не может повлиять на то, чтобы наша конференция не довела до конца свою работу или чтобы она в ходе своей работы изменила свои позиции, которые определяются в значительной мере решением четырёх министров иностранных дел, согласованным, как это было уже сказано, в 1946 году в Нью-Йорке. В данный момент, мне кажется, нас должна интересовать больше всего эта практическая сторона дела.

Подойдём к вопросу именно с этой стороны. Нам предлагают обратиться в Международный суд, чтобы он ответил на поставленный выше вопрос и тем самым положил конец возникшему по этому поводу спору. Но что может сказать по этому поводу Международный суд? Как он может ответить на вопрос о том, существует ли Конвенция 1921 года или не существует? Должно быть ясным, что для ответа на этот вопрос Международный суд не может руководиться лишь тем, была или не была формально отменена Конвенция 1921 года и была она или не была формально признана потерявшей свою силу.

2. ПОРОЧНЫЙ КРУГ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В доказательство того, что Конвенция 1921 года не потеряла своей силы и не может потерять своей силы без согласия всех участников этой конвенции, ссылались на самую эту конвенцию и, в частности, на её статьи 5 и 42. Как известно, эти статьи, с одной стороны, говорят о том, что ничего не изменяется в правах, полномочиях и т. д., вытекающих из договоров конвенций и т. д., относящихся к Дунаю (статья 5), и что конвенция может быть пересмотрена в том порядке, как это установлено конвенцией, т. е. лишь при согласии двух третей государств, подписавших конвенцию (статья 42). Таким образом, доказательство того, что Конвенция 1921 года всё ещё сохраняет свою силу, черпается из самой этой конвенции. Получается довольно курьёзное положение: в качестве доказательства того, что существует Конвенция 1921 года, что она не потеряла своей силы и что не потеряли также силы те «приобретённые права», которые указываются в этой конвенции, приводится не что иное, как сама эта конвенция, как отдельные статьи этой же самой конвенции. В логике такой способ доказательства называется доказательством по принципу *idem per idem*, что означает в сущности повторение

того же самого или одного и того же. Конечно, это не способ доказывания. Таким способом ничего доказать нельзя, ибо получается порочный круг, из которого таким путём выход найти невозможно.

Нам говорят: Конвенция 1921 года сохраняет свою силу потому, что эта конвенция не претерпела изменений, предусмотренных статьёй 42. Но если подвергается сомнению действительность самой конвенции, то этим самым подвергается сомнению и действительность каждой её статьи, в том числе и 42-й статьи. Следовательно, доказывать, что Конвенция 1921 года не потеряла своей силы, нельзя ссылками на отдельные положения этой же самой конвенции. Нам говорят, что государства, подписавшие Конвенцию 1921 года, не потеряли тех прав, которые были предоставлены им этой конвенцией. В доказательство ссылаются на статью 5 Конвенции 1921 года. Это значит, что доказательством в пользу Конвенции 1921 года принимается сама эта конвенция и в данном случае статья 5. Это тот же порочный круг, из которого также подобным образом выхода нет.

3. ВАЖНЫЕ РЕШЕНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПАРИЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Для того, чтобы ответить на вопрос о том, сохраняет ли силу в настоящее время Конвенция 1921 года, о чём так хлопочут на этой конференции три западных делегации, очевидно, нужно исходить не из толкования отдельных статей самой этой конвенции, а из таких актов, которые были бы достаточно авторитетными сами по себе и которые, будучи достаточно авторитетными, подтвердили бы, что если не вся Конвенция 1921 года, то, во всяком случае, все наиболее важные её части сохраняют свою силу. Такими актами могут быть какие-либо договоры, конвенции, соглашения международного порядка. Если подойти к этому вопросу с этой стороны, то окажется, что таких документов, таких актов международно-правового характера, которые могли бы подтвердить, что Конвенция 1921 года сохраняет свою силу, в природе нет. Наоборот, имеются акты, подтверждающие прямо противоположное. Я называл уже эти акты, я назыву их и сейчас. Это Синайское соглашение 1938 года, подтверждённое Бухарестским соглашением 1939 года, в силу которых, как сказано в этих соглашениях, прекратили своё действие важнейшие полномочия, предоставленные по Конвенции 1921 года таким органам дунайского управления, как, например, Европейская Дунайская комиссия. Кстати напомним, что само соглашение 1938 года было заключено с нарушением Конвенции 1921 года и, в частности, той самой 42-й статьи, которая, по мнению наших оппонентов, должна играть важнейшую роль в деле охраны неприкосновенности этой конвенции.

Но мы имеем и ещё более авторитетные акты и соглашения, относящиеся к самому последнему времени. Мы имеем решение Совета министров иностранных дел, которое было впоследствии подтверждено в виде рекомендаций Парижской конференции по проекту

мирных договоров с Румынией, Болгарией и Венгрией в июле — октябре 1946 года. Как указанное решение, так и указанные рекомендации предусматривают, что «в целях обеспечения практического применения этого решения, Румыния обязуется принять участие совместно с Соединёнными Штатами Америки, Францией, Великобританией, Союзом Советских Социалистических Республик и придунайскими государствами в конференции, которая будет созвана в течение шестимесячного периода с момента вступления в силу настоящего мирного договора для установления *нового* международного режима Дуная». Как видно из этих документов, было решено, что необходимо установить *новый режим Дуная* и установление этого нового режима поручалось конференции в составе четырёх великих держав и придунайских государств. Из этих документов видно, что вовсе не считалось необходимым и целесообразным созывать конференцию из тех именно государств, которые в своё время подписали Конвенцию 1921 года. Не считалось необходимым, таким образом, чтобы к установлению нового режима на Дунае были приглашены все те государства, которые были участниками Парижской конвенции о Дунае в 1921 году. В цитируемых мною документах ясно говорится о том, что круг участников той конференции, которая должна выработать новую Дунайскую конвенцию и установить новый режим на Дунае, определяется исключительно четырьмя великими державами и прибрежными государствами. Известно, что Конвенция 1921 года была подписана также Бельгией, Грецией, Италией, не являющимися придунайскими государствами. Следовательно, их участие в данной конференции о подготовке новой конвенции не было признано необходимым, и, как мы видим, в настоящей конференции они действительно не участвуют. Так было согласовано между США, Великобританией, Францией и СССР, так было одобрено на Парижской конференции, и это было совершенно правильно.

Надо отметить, что при обсуждении данного вопроса в Совете министров иностранных дел Греция, например, не была забыта. О ней шла специальная речь, поскольку представитель Великобритании г-н Бевин добивался включения Греции в число участников нынешней конференции. Как справедливо тогда заметил министр иностранных дел СССР В. М. Молотов, Греция не могла быть включена в число участников этой конференции, так как она не является придунайским государством, и вопрос о Греции отпал. Нелишне также напомнить о том, что Греция была участницей Парижской конференции в июле — октябре 1946 года, которая приняла упомянутые выше рекомендации, где говорится лишь о придунайских государствах. Греция была на Парижской конференции. Но Греция не представила никаких возражений против этой рекомендации, хотя, конечно, великолепно понимала, что формула — придунайские государства — исключает право Греции на участие в этой конференции.

Таковы факты, с которыми нужно считаться, которые игнорировать нельзя, которые нельзя забывать или делать вид, что эти факты не имеют значения.

Выводы: 1. Совет министров иностранных дел в 1946 году и Парижская мирная конференция в июле — октябре 1946 года признали необходимым установить новый режим Дуная. Это означало отказ от старого режима Дуная, который, к тому же, и фактически уже не существовал, будучи разрушен не только довоенными соглашениями некоторых государств (Великобритании, Франции, Румынии, Италии, Германии), но и второй мировой войной.

2. Новый режим Дуная должна установить конференция, состав которой был также тогда определен в лице четырех великих держав и придунайских государств. Это означало, что два крупнейших международных акта — решение Совета министров иностранных дел и рекомендации Парижской мирной конференции подтверждают исчерпывающий характер состава конференции, которая должна была разработать конвенцию о новом режиме Дуная. Это означает, что нет никаких правовых оснований для оспаривания компетентности настоящего состава Дунайской конференции, призванной выработать конвенцию и установить новый режим Дуная.

Но теперь нам вдруг говорят, что решения настоящей Дунайской конференции не будут признаны правомерными и что за самой конвенцией, которая будет принята настоящей конференцией, не будет признано законной силы, если с этими решениями и этой конвенцией не будут согласны те государства, которые подписали Конвенцию 1921 года, но не участвуют в настоящей конференции. Какие же основания для такого рода умозаключений? Мы уже показали, что в самой Конвенции 1921 года для этого найти какие-либо основания невозможно. Их нет. Мы также показали, что для этого не дают никаких оснований и какие-либо иные международные акты. Наоборот, имеющиеся международные акты, как, например, упомянутые выше решения Совета министров иностранных дел и рекомендации Парижской мирной конференции 1946 года, дают основание для прямо противоположного утверждения.

4. НЕМНОГО ИСТОРИИ

В этой связи можно восстановить, так сказать, историческую перспективу. Важно напомнить, как смотрели на этот вопрос авторитетные представители США, Великобритании и Франции в 1946 году, когда они решали этот вопрос в качестве членов Совета министров иностранных дел. Можно напомнить о выступлении на заседании Совета министров иностранных дел г-на Бевина, который по этому поводу, как гласит секретарская запись на русском языке, говорил следующее: «Я был бы доволен, — заявил г-н Бевин, — если на нашем сегодняшнем заседании можно было бы записать решение о том, что будет созвана конференция этих придунайских государств совместно с министрами иностранных дел, скажем, в течение шести месяцев после подписания мирных договоров. Следует только включить в мирные договоры предложение о том, что Болгария и Румыния должны будут принять решения этой конференции».

Таким образом, представитель Великобритании настаивал на том, что решения конференции в составе придунайских государств *должны быть обязательны* для Румынии и Болгарии, по отношению к которым, очевидно, было тогда с этой стороны подозрение, что они не захотят принять эти решения. Но если представитель английского правительства настаивал тогда на том, что решения конференции придунайских государств должны иметь обязательную силу для указанных придунайских государств, то это нельзя понять иначе, как признание того, что решения Дунайской конференции должны были бы иметь обязательно силу и для всех остальных участников этой конференции, в том числе и для самой Великобритании. По этому поводу, очевидно, не может быть двух мнений.

Такой же позиции, примерно, держался и представитель США — государственный секретарь Бирнс, который следом выступил с таким заявлением: «Я думаю, что нужно согласиться относительно этого вопроса. Мы можем в принципе согласиться насчёт созыва будущей конференции. Я предлагаю такую редакцию: мы включим в договор, что судоходство по реке Дунай и его притокам должно быть свободным и открытым на равных правах для всех государств. Эти государства *обязаны будут принять* все принципы и решения, которые будут приняты конференцией для всех государств в отношении судоходства по Дунаю». Г-н Бирнс прямо говорил, что эти государства (имеются в виду государства — участники Дунайской конференции. — А. В.) *обязаны будут принять принципы и решения*, которые примет конференция, причём подчёркивал, что это будет обязательным для всех государств в отношении судоходства по Дунаю.

Что же это означает? Это означает только одно — а именно, что четыре министра иностранных дел, решая в 1946 году вопрос о созыве конференции по разработке новой Дунайской конвенции, исходили из того, что эта конференция примет конвенцию, *обязательную для всех государств* в отношении Дунайского судоходства. Это означает, что в то время и мысли не было о том, что новая Дунайская конвенция будет нуждаться в одобрении также тех государств, которые не будут участниками этой конференции, хотя они и были участниками конференции в Париже, выработавшей Конвенцию 1921 года. Г-н Бирнс прямо говорил: «На эту конференцию будут приглашены заинтересованные союзные государства, Югославия и Чехословакия, но Румыния и другие прибрежные страны *обязаны будут принять* те решения, которые примет конференция». Но если Румыния и Болгария будут обязаны принять решения этой конференции, т. е. если эти решения будут обязательны для этих государств, то могут ли эти решения не быть обязательными для других участников этой конференции и, в частности, для США и Великобритании? И по этому вопросу не может быть двух мнений.

Так обстояло в 1946 году. Обстояло так, как этого требовали логика и здравый смысл и общепризнанные принципы международного права. Теперь представители США, Великобритании и Франции пытаются пересмотреть позиции своих правительств и повернуть дело в противоположную сторону. Они пытаются доказать, что

ни решения этой конференции, ни конвенция, которая будет здесь выработана, не будут обязательными для них самих, если они в чём-либо не согласятся с этой конвенцией, ни для других государств, хотя и не участвующих в этой конференции, но зато участвовавших 27 лет тому назад в другой Дунайской конференции и подписавших другую Дунайскую конвенцию, а именно Конвенцию 1921 года.

Вот для чего, оказывается, нужна теперь Конвенция 1921 года, нужен теперь Международный суд, на который возлагается задача юридически обосновать отказ трёх великих держав — США, Великобритании и Франции — от выполнения тех обязательств, которые они взяли на себя и которые зафиксированы в рекомендациях Парижской мирной конференции по предложению Совета министров иностранных дел с участием этих же великих держав. Теперь уже не идёт речь о новом режиме Дуная, как это записано в решениях Совета министров иностранных дел и в рекомендациях Парижской конференции 1946 года. Наоборот, теперь речь идёт о старых «приобретённых правах». Для этого им нужно гальванизировать Конвенцию 1921 года, нужно мёртвое назвать живым. По этому поводу уместно сказать словами французской поговорки — «Мёртвый хватает живого».

Не ясно ли, что нет никакого основания, да и нет никакого практического смысла обращаться в Международный суд с вопросами, которые сформулировала здесь английская делегация? Для большинства нынешней конференции вопрос о Конвенции 1921 года совершенно ясен: она вот уже десять лет как потеряла всякую свою силу и не только она, но и все предшествующие ей конвенции, как и все те конвенции, которые были заключены в связи с ней в последующие годы.

Так же ясен и второй вопрос о том, какие страны являются участницами этой конвенции: они перечислены в самой конвенции.

Ясен и третий вопрос, который в таком случае должен быть поставлен, хотя английской делегацией он не поставлен, это вопрос о том, может ли настоящая конференция в какой-либо мере быть связанной Конвенцией 1921 года или какими-либо другими конвенциями по Дунаю? И на этот вопрос большинство конференции уже дало ответ, и этот ответ был отрицательным.

Вот почему вся эта затея с обращением в Международный суд является каким-то странным недоразумением, странной затеей. Думают получить от Международного суда такое решение по поставленным вопросам, которое могло бы дать если не основание, то во всяком случае повод оспаривать правомерность будущей конвенции о режиме судоходства на Дунае. Но такая затея заранее обречена на неуспех.

5. УСТРАНИТЬ ПРОТИВОРЕЧИЯ

В заключение я должен обратить внимание конференции на одно имеющее значение обстоятельство. Как известно, американская делегация представила также свой проект конвенции о режиме

Дунайского судоходства. Известно также, что английская делегация представила так называемые основные положения новой конвенции по Дунаю. Оба эти документа исходят из того, что настоящая конференция, приняв американский проект или английские основные положения, разработает, утвердит и подпишет новую конвенцию. Американский проект конвенции содержит в себе статьи, которые являются, по существу, предложением данной конференции заключить предложенную американцами конвенцию. Этой цели служат и английские «основные положения о режиме судоходства по Дунаю».

Выходит так, что, с одной стороны, английская и американская делегации предлагают настоящей конференции свои проекты конвенции, которые рекомендуется принять на этой конференции и подписать, а с другой стороны, — они же оспаривают самое право настоящей конференции заключить такого рода конвенцию, отрицают за такой конвенцией правомерность, если не будут выполнены условия, о которых в конвенции не говорится ни звука.

Ведь в американском проекте прямо говорится, что участники настоящей конвенции «решили заключить настоящую конвенцию и в этих целях назначили нижеподписавшихся уполномоченных представителей» и т. д. Далее следует текст конвенции.

Одно из двух — или настоящая конференция некомпетентна подписать конвенции без согласия тех государств, которые в своё время подписали Конвенцию 1921 года, и в таком случае незачем предлагать настоящей конференции свои проекты конвенции для утверждения и подписания теми государствами, которые участвуют в нынешней конференции; или настоящая конференция полномочна подписать новую конвенцию, а это действительно так, — и в таком случае нельзя заявлять о том, что нужно испросить чьё-то ещё согласие, кроме участников этой конференции, и что если это будет оспариваться, то нужно обратиться в Международный суд и получить по этому поводу его решение.

Одно из двух: или — или.

Наконец, разве не странно ещё и то обстоятельство, что всё это делается в то время, когда тут же английская и американская делегации со всеми придунайскими государствами принимают за основу советский проект конвенции и решают перейти к постатейному её рассмотрению на Генеральном комитете?

Такова целая груда серьёзных противоречий в действиях и в аргументации западных делегаций, не сводящих концы с концами. Надо устранить эти противоречия, мешающие сотрудничеству и затрудняющие работу. Вот почему, г-н председатель и гг. делегаты, советская делегация считает, что внесённое английской делегацией предложение о Международном суде, поддержанное французской и американской делегациями, должно быть отклонено. Оно лишено всякого основания, оно лишено всякой логики, в нём нет, наконец, никакой практической надобности.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА УТРЕННЕМ ЗАСЕДАНИИ ДУНАЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(11 августа)

Здесь уже достаточно подробно, на мой взгляд, были изложены позиции всех делегаций, которые возражали против расширительного понимания речной сети Дуная. Мне кажется, что то, что здесь сказано, достаточно убедительно само по себе для того, чтобы отклонить поправку Соединённого Королевства, но некоторые вопросы остались всё же неосвещёнными. Я постараюсь кратко остановиться на них.

1. О ДУНАЕ, ЕГО РУКАВАХ И ПРИТОКАХ

В параграфе 1 поправки Соединённого Королевства к статье 2 говорится о необходимости включить в Дунайскую систему все устья реки, т. е. не только Сулинское устье, как предлагается советским проектом, а все устья реки, т. е., кроме Сулинского рукава, ещё и Георгиевский и Килийский рукава. Но каковы для этого основания?

Почему до сих пор в Дунайскую систему фактически включался только Сулинский канал, а не Георгиевский и не Килийский рукава? Это объясняется прежде всего экономической целесообразностью с точки зрения обеспечения нормального судоходства в этой нижней части Дуная. В самом деле, если обратиться к данным общего стока воды по отдельным рукавам — Сулинскому, Георгиевскому и Килийскому, то окажется, что в то время как через Килийский рукав общий сток воды достигает 67 процентов, т. е. на долю этого рукава приходится 67 процентов всей воды, которую Дунай бросает в Чёрное море, и на долю Георгиевского рукава — 24 процента, на долю Сулинского рукава приходится только 9 процентов. Что это значит экономически? Известно, что чем больше сток воды, тем больше река может нанести песку и тем больше создаётся опасность засорения гирла. Если в то же время глубина рукава является вполне достаточной для судоходства, то нужно избирать тот рукав, который имеет меньший сток воды. Это говорит в пользу того, что нужно избрать Сулинский канал, а не какой-либо другой. Устья реки Дунай важны для судоходства только тогда, когда они имеют достаточные глубины для прохода морских судов. Сулинский канал полностью удовлетворяет этому требованию, так как объявленная судоходная глубина здесь составляет 7 метров. Это достаточно для прохода глубоко сидящих морских судов. В Килийском рукаве, несмотря на то, что он даёт гораздо больший процент стока воды, глубина составляет только 1—1,2 метра против 7 метров Сулинского канала. Ясно, что имеется полная экономическая невыгода включать Килийский рукав в систему Дуная.

Такое же положение и с Георгиевским рукавом. Поэтому совершенно естественно, что, когда нам нужно теперь выбрать какой-нибудь из этих трёх рукавов — Сулинский, Георгиевский и Килийский, необходимо исходить раньше всего из экономической целесообразности. Это значит, следует избрать тот рукав, который меньше потребует средств на поддержание его в нормальном судоходном состоянии. Какой же рукав представляет для нас выгоды? Ясно, что Сулинский рукав и Сулинский канал. Почему же требуют включения в систему Дуная Георгиевского и Килийского рукавов, когда это лишено экономической выгоды и явно нецелесообразно? Тут, возможно, есть другие мотивы, но не экономические. Но говорят, что эта конференция раньше всего экономическая. Я согласен с этим. Ну, так давайте руководствоваться в данном случае экономическими соображениями и тем, что предлагает советский проект. В таком случае следует принять статью 2 советского проекта, где говорится:

«Установленный настоящей конвенцией режим распространяется на судоходную часть реки Дунай от Ульма до Чёрного моря, через Сулинское гирло, с выходом к морю через Сулинский канал».

Зачем же вносить такие поправки, как английская поправка относительно *всех* устьев реки, т. е. и относительно Килийского и Георгиевского рукавов? Для этого нет никаких оснований.

Так обстоит дело с первым вопросом.

Второй вопрос — это вопрос о судоходных качествах притоков. Я не буду подробно сейчас говорить о том, какие из этих притоков являются судоходными и какие нет. Я хочу указать только на то, что, по последним данным, река Тайя совершенно не судоходна; река Морава, которая была когда-то судоходной, теперь на всём своём протяжении совершенно не судоходна, за исключением устья, куда заходят баржи за камнем; река Тисса на чехословацком участке сейчас действительно не судоходна, но тем не менее эта река судоходна в остальной части и является наиболее важным и главным притоком Дуная. Поэтому нужно определить, что из себя представляет Тисса с точки зрения международного права. Но предварительно небезынтересно привести несколько цифр в дополнение к тому, что уже было сказано представителями других делегаций для характеристики реки Тиссы с точки зрения торгового судооборота. За пятилетие с 1934 по 1938 год через наиболее важный порт Тиссы — Сегед проходило в среднем около 200 тысяч тонн грузов при нескольких миллионах тонн грузов, проходящих по Дунаю вообще. В этом грузообороте из непридунайских стран до 1938 года участвовала Франция в количестве 5,5 процента всего грузооборота. Что это означает? Это означает, что по Тиссе под французским флагом прошло за 1938 год 11 тысяч тонн грузов, т. е. всего-навсего, примерно, 25 барж. Это в свою очередь означает, что в месяц по Тиссе проходило 2—3 французских баржи. Вот как характеризуются французские интересы торгового судоходства на Тиссе, вот из-за этих 2—3 барж в месяц и поднимается весь спор о том, чтобы Тиссу включить в Дунайскую систему. Не говорит ли это о том, что при-
тизания на реку Тиссу в качестве одного из элементов дунайской

речной системы не могут быть оправданы с точки зрения экономических интересов Франции? Значит, кроме экономических мотивов, имеются другие мотивы. Эти мотивы совершенно ясны, и я могу на них не останавливаться.

2. ПРОТИВ ВКЛЮЧЕНИЯ В СИСТЕМУ ДУНАЯ ЕГО ПРИТОКОВ

Третье, что нас сегодня должно интересовать,—это то, как стоял вопрос о притоках Дуная при подготовке мирных договоров с Румынией, Венгрией и Болгарией, какова недавняя история этого вопроса? По этому вопросу мы имеем несколько важных документов. Вот один из них. Это — доклад Экономической комиссии для Балкан и Финляндии 1946 года по проекту Мирного договора с Румынией. Имеется, кроме того, первоначальный проект статьи 34 Мирного договора с Румынией, предложенный делегациями Великобритании и США. Этот проект содержит в себе предложение американской и английской делегаций, которое касается навигации по реке Дунай и её соединительным каналам. Вот текст этого предложения:

«1. Навигация по реке Дунай, её судоходным притокам и соединительным каналам должна быть свободной и открытой на условиях полного равенства для граждан, торговых судов и товаров всех государств».

Я сейчас беру ту часть этого проекта, которая касается лишь притоков и каналов. Из этого проекта видно, что в дунайскую речную сеть первоначально английская и американская делегации предлагали включить притоки и соединительные каналы. Но какова же была дальнейшая судьба этого предложения? Об этом можно судить также по упомянутому уже выше докладу Экономической комиссии, в котором было по этому поводу записано следующее:

«Что касается предложения Соединённого Королевства и США (т. е. того текста, который я сейчас только что огласил), то обе эти делегации сняли своё прежнее предложение и присоединились к новому предложению, которое внесла французская делегация».

Кстати, я очень сожалею, что здесь нет ни шефа французской делегации, ни его заместителя.

Так вот, делегации Соединённого Королевства и США присоединились к новому предложению, которое внесла французская делегация, сняв своё предложение.

Что же это за французское предложение? Оно здесь приведено. Вот его текст:

«1. Навигация по реке Дунай должна быть свободной и открытой на условиях полного равенства для граждан, торговых судов и товаров всех государств».

В чём же отличие этого нового французского предложения от англо-американского предложения? В том, что слова «её судоходным притокам и соединительным каналам» исключены.

Таким образом, сначала предлагали включить в Дунайскую систему реку Дунай плюс притоки, плюс соединительные каналы. Потом американцы и англичане отказались от этого, сняли это предложение и присоединились к французскому предложению, в котором оставался Дунай, но уже без притоков и без соединительных каналов. Теперь мы возвращаемся к старому, опять восстанавливается англо-американское предложение.

Американская и английская делегации, к которым присоединяется теперь и французская делегация, вновь пытаются в понятие дунайской речной сети включить притоки и каналы, хотя известно, что в мирных договорах с Румынией, Венгрией и Болгарией, в тех статьях, где говорится о Дунае, не говорится ни о притоках, ни о каналах. Должно быть ясно, что упоминание в мирных договорах с Румынией, Венгрией и Болгарией об одном Дунае без притоков и без каналов не случайно. Такой текст явился результатом длительного обсуждения этого вопроса в Совете министров иностранных дел и в Экономической комиссии для Балкан и Финляндии и представляет собой результат той договорённости, которая была достигнута по этому вопросу между четырьмя великими державами, а впоследствии и между всеми 21 государством, участниками Парижской мирной конференции 1946 года.

3. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРИНЦИПЕ БАРСЕЛОНСКОЙ КОНВЕНЦИИ

Тут говорили о Барселонской конвенции, в частности о том, что в Барселонской конвенции имеется статья 2, которая содержит оговорку о том, что эта конвенция не наносит ни в чём ущерба правам и обязанностям, вытекающим из постановления Версальского мирного договора 1919 года или из постановлений других аналогичных договоров, что имеет в виду, между прочим, и Дунайскую конвенцию 1921 года.

Такая статья в Барселонской конвенции является вполне естественной, если не упускать из виду то обстоятельство, что она была принята в «версальскую эпоху», т. е. в ту эпоху, когда в международно-правовой области и вообще в международных отношениях господствовал дух Версаля, наложивший свою печать и на Барселонскую конвенцию. Теперь хотят использовать эту статью 2 Барселонской конвенции, несмотря на весь специфический её характер, для того, чтобы оправдать своё предложение включить в дунайскую речную систему притоки Дуная.

Нельзя не отметить, что тогда, когда составлялась статья 34 и соответствующие ей статьи мирных договоров с Румынией, Венгрией и Болгарией и был согласован текст этих статей без упоминания всяких притоков и каналов, тогда и речи не было о Барселонской конвенции. Видно, не очень удобно было в 1946 году при составлении мирных договоров, которые завершали вторую мировую войну, предлагать исходить из принципов, на которых строилась версальская система мирных договоров, в 1919 году завершивших

первую мировую войну. Тогда, видно, не очень казалось удобным вспминать этих версальских дальних родственников.

Важно отметить, что, вспомнив о Барселонской конвенции, из неё извлекают именно статью 2 о притоках и каналах, чтобы по-пробовать протащить в нынешнюю конвенцию о режиме Дунайского судоходства такую поправку, которая явно противоречит соответствующим статьям мирных договоров с Румынией, Болгарией и Венгрией. Больше того, статья 2 Барселонской конвенции противоречит самой Барселонской конвенции, и именно важнейшей статье 1 статута о режиме судоходства путей международного значения. В этой статье и именно в пункте «С» говорится, что «притоки должны рассматриваться как отдельные водные пути». Это — основной принцип, установленный Барселонской конвенцией. Этот принцип отрицает возможность включения притоков в систему европейской реки международного значения. В данном случае невозможно включение Тиссы, Дравы, Моравы, Тайи и других притоков в понятие «Дунай».

Здесь говорилось, что Барселонская конвенция была ратифицирована шестью государствами — участниками нынешней Дунайской конференции. Действительно, Барселонскую конвенцию ратифицировали Англия, Франция, Болгария, Чехословакия, Румыния, Венгрия, Австрия, присутствующие здесь. Однако ни СССР, ни США не ратифицировали эту конвенцию. Что касается СССР, то этого достаточно для того, чтобы он имел все основания не принимать ссылки на статью 2 Барселонской конвенции, которая является для Советского Союза не обязательной.

Но сейчас дело даже не в том, признаёт ли СССР Барселонскую конвенцию или не признаёт. Дело скорее всего в том, чтобы показать, что и те, кто стоят на почве Барселонской конвенции, не имеют права игнорировать статью 1 и, в частности, её пункт «С», который прямо исключает возможность примешивать вопрос о притоках международной реки к конвенции о самой этой международной реке. Нам предлагают руководствоваться не тем принципом, который изложен в Барселонской конвенции и который является главным принципом этой конвенции, а тем отступлением от этого принципа, которое, однако, противоречит всякой логике, противоречит основам международного права и является результатом не чего другого, как политического влияния версальской системы, версальского духа.

Итак, если пользоваться Барселонской конвенцией, то нельзя игнорировать основной принцип, провозглашённый в этой конвенции, нельзя брать за главное не этот принцип, а ту оговорку, имеющую исключительно временный характер, которая была продиктована политическими и экономическими интересами держав, задававших в то время тон во всей мировой внешней политике.

К сказанному хотелось бы добавить нижеследующие соображения. Вопрос о статье 2 Барселонской конвенции можно было бы рассматривать ещё и с другой стороны, я бы сказал — с методологической стороны. С этой стороны имеет значение тот факт, что в статье 2 содержится указание на необходимость при установлении

статута режима судоходных путей международного значения озабочиться о том, чтобы соответствующая конвенция не нанесла ни в чём ущерба правам и обязанностям, вытекающим из постановления Мирного договора, подписанного в Версале 28 июня 1919 года, и т. д.

Здесь, мне кажется, ясно выражен другой важный принцип Барселонской конвенции, а именно, так построить послевоенную систему судоходных путей международного значения, чтобы не были ущемлены права и обязанности, вытекающие из постановлений мирных договоров, связанных с окончанием войны. Если этот принцип применить к данному случаю, к вопросу о Дунае и его притоках, к вопросу о режиме судоходства на Дунае, то это обязывало бы считаться с теми условиями, которые были созданы в результате завершения войны и которые нашли своё естественное выражение в мирных договорах 1946 года. Если исходить не из голы буквы Барселонской конвенции, а из того принципа, который был выражен в её статьях 1 и 2, то это значит, что новая конвенция о режиме Дунайского судоходства должна соответствовать тем положениям («правам и обязанностям», как говорится в Барселонской конвенции) в мирных договорах с придунайскими государствами, которые касаются данной проблемы. Только такое понимание статьи 2 в связи со статьёй 1 Барселонской конвенции и совместно с основными методологическими принципами науки международного права.

Такое толкование вполне соответствует и пониманию этого вопроса в работах видных теоретиков международного права, в том числе и английской школы. Здесь уже делали ссылку на Оппенгейма. К сожалению, не была подчеркнута особенность в определении, которое Оппенгейм даёт понятию международной реки; эта особенность заключается в том, что международной рекой может быть признана лишь река, дающая *непосредственную связь с морем*.

Притоки, естественно, такой роли не играют, они непосредственной связи с морем не дают, и, уже в силу этого, они относятся не к международным рекам, в том смысле, как это определяется теорией международного права, а относятся к так называемым многонациональным рекам. Судоходство же по этим рекам должно регулироваться не в порядке заключения международных конвенций, а в порядке заключения конвенций между непосредственно заинтересованными странами. Ни Тисса, ни Драва, ни тем более другие, более мелкие притоки Дуная не являются международными реками. Они являются многонациональными реками. Они не ведут к морю и от моря. Они служат преимущественно интересам внутреннего судоходства и судоходства, ограничивающегося интересами государств, по территории которых они протекают или территорию которых они пересекают, без выхода к морю. И авторитеты английского права, и Барселонская конвенция, таким образом, сходятся в своей оценке притоков с точки зрения возможности их включения в систему главной реки. И наука, и практика международного права, как мы видим, дают отрицательный ответ на вопрос о том, следует ли притоки главной реки включать в соответствующую

речную систему. Ни с практической, ни с экономической, ни с научно-правовой точек зрения нет никаких оснований включать притоки и в систему Дуная.

В заключение я должен напомнить о том, что мысль о включении притоков и каналов в систему Дуная была очень скоро оставлена самими инициаторами такого предложения — представителями США и Великобритании, что было достигнуто полное согласие относительно понятия «Дунай» и что это нашло своё выражение в соответствующих статьях мирных договоров с Румынией, Болгарией и Венгрией. Именно все эти обстоятельства и послужили основанием для того, чтобы советская делегация в своём проекте конвенции о режиме судоходства на Дунае определила понятие «Дунай» в полном соответствии с существующей на этот счёт договорённостью между четырьмя великими державами и всеми теми державами, участниками Парижской конференции в 1946 году, которые согласились с текстом соответствующих статей мирных договоров с Румынией, Болгарией и Венгрией.

Таковы доводы, таковы практические и теоретические соображения, которыми руководствовался Советский Союз, предлагая в статье 2 своего проекта конвенции не говорить ни о притоках, ни о соединительных каналах, ни о «всех» устьях Дуная. Таковы доводы, в силу которых советская делегация возражает против поправок к статье 2, внесённых английской делегацией.

«Известия» № 191 (9721)
от 13 августа 1948 г.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ВЕЧЕРНЕМ ЗАСЕДАНИИ ДУНАЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (12 августа)

1. «ПЛАЧ МАРШАЛЛА» И ДУНАЙ

Советская делегация хотела бы со своей стороны ответить на те замечания, которые были сделаны критиками статьи 5 проекта конвенции о режиме судоходства на Дунае, представленного Советским Союзом. Я одновременно постараюсь в своём сегодняшнем выступлении коснуться замечаний, которые были сделаны представителем американской делегации, и тех замечаний, которые были сделаны представителем Великобритании.

В своём выступлении представитель английской делегации, между прочим, остановился на «плане Маршалла». В сущности говоря, можно было эту тему вовсе не затрагивать, поскольку по этому поводу многое уже говорилось и точки зрения, и позиции отдельных государств, в том числе большинства тех, которые присутствуют на настоящей конференции, хорошо известны. Однако я считаю нужным коснуться этого вопроса, поскольку г-н Пик сослался на якобы сделанное здесь замечание о том, что этот план окажется в конце концов гибельным, и добавил к этому, что английский народ, как он сказал, с радостью и единодушием участвует в этом плане. Ну, это дело самого английского народа, и входить в обсуждение этого вопроса нам не пристало. Но нелишне было бы напомнить и нам кое-что по поводу этого «плана».

Г-н Пик изображал дело таким образом, что «план Маршалла» якобы преследует альтруистические цели, что он преследует цель помочь восстановлению Европы. Г-н Пик старался изобразить дело так, что «план Маршалла» должен как бы облагодетельствовать Европу. Такая точка зрения совершенно неправильна. Об этом можно было бы, например, судить по выступлению столь авторитетного лица, каким является заместитель министра земледелия Соединённых Штатов Америки г-н Додд, который в комиссии по ассигнованиям не так давно сказал:

«Я думаю, что вы,— г-н Додд обращался к слушавшим его в этой комиссии лицам,— будете свидетелями одного из величайших крахов на товарных рынках в случае, если эта программа будет урезана». Таким образом, заместитель министра земледелия США предупреждал, что нужно утвердить ту программу ассигнований, которая предусматривалась «планом Маршалла», предупреждал, что если она будет урезана, то американские товарные рынки постигнет крах. Это очень красноречивое заявление, оно бросает определённый свет на те мотивы, которыми, между прочим, руководствуются вдохновители «плана Маршалла».

Судя по этому заявлению, «план Маршалла» не преследовал альтруистической цели, «план Маршалла» предназначен для того, чтобы постараться предупредить те экономические осложнения, о чём сказал даже более того — тот экономический крах, который ожидает товарные рынки в том случае, если программа, предусмотренная «планом Маршалла», будет урезана. Чем это объясняется, какие были основания у заместителя министра земледелия г-на Додда так говорить в комиссии по ассигнованиям? Основания были очень серьёзные. Они определялись анализом внешнеторгового оборота Соединённых Штатов Америки, оборота, который показывает, что в 1947 году экспорт из США различных товаров составлял 5,1 миллиарда долларов против 3,6 миллиарда долларов в среднем в год за предыдущий период с 1921 по 1939 год. т. е., иначе говоря, экспорт валовой продукции из США за это время определялся в 6,6 процента против 4,3 процента предшествующего времени.

Ясное дело, что экспорт этих товаров играл не малую роль в экономике США. Если бы нельзя было эти товары где-то сбыть, найти для них какие-то рынки, то это, несомненно, привело бы

к тому краху, который мог бы постигнуть американские рынки, о чём говорил г-н Лодд. Мы знаем, что по некоторым отраслям американского производства до 20 процентов занятых рабочих работают именно на экспорт. Ясно, что при таком положении сокращение экспорта не может не угрожать серьёзным расстройством американской экономики.

Не касаясь другой стороны этого дела, именно попытки при помощи «плана Маршалла» обеспечить Соединённым Штатам господствующее влияние в мировой экономике, можно утверждать, что «план Маршалла» преследует и ту задачу, чтобы обеспечить американским товарам соответствующие рынки. Западная Европа получает займы по «плану Маршалла», чтобы покупать американские товары, которые не находят себе нужного сбыта внутри США, на внутреннем рынке США. Эта сторона дела совершенно очевидная. И я постараюсь кратко показать, к каким последствиям уже сейчас это приводит.

Факт, что «план Маршалла» направлен на то, чтобы решить также и эту задачу — обеспечить американский экспорт соответствующими рынками. Если «план Маршалла» намерен кого-либо при таком положении вещей облагодетельствовать, то это относится только к американским монополиям, которые не хотят рисковать собственными капиталами для финансирования экспорта и, чтобы обеспечить свои прибыли, стремятся получить субсидии, иначе говоря, покрывать свой риск за счёт налогоплательщиков через государственный бюджет.

В этом отношении «план Маршалла» американским монополиям идёт навстречу. Это одна сторона дела.

Другая сторона дела: «план Маршалла» представляет собой экономический диктат более слабым в экономическом отношении странам. Мы знаем, например, что, предоставляя так называемую «помощь» по «плану Маршалла», США требуют, чтобы не менее 50 процентов перевозок осуществлялось американским флотом, а не флотами тех или иных западноевропейских государств, которые могут рассчитывать на получение этой помощи. А что это означает? Это означает, что флоты этих западноевропейских государств ставятся в тяжёлое положение.

На днях можно было прочесть сообщение, напечатанное в лондонской печати, где говорится о том, что Голландия нарушила ту статью «плана Маршалла», которая требует, чтобы по меньшей мере 50 процентов товаров в рамках этого плана перевозились американскими судами. Оказывается, из 9 судов, избранных Голландией для перевозок такого рода товаров, в течение текущего месяца ни одно не являлось американским. Как реагировали на это США? Вот как. Все платежи, которые Соединённые Штаты должны были произвести Голландии в качестве займа в течение периода с 9 по 21 июля, были Соединёнными Штатами приостановлены, согласно санкциям, предусмотренным этими статьями.

Нам говорят, что «план Маршалла» построен на двусторонних соглашениях. Мы теперь видим, что собой представляют такие соглашения. Участникам их говорят: вы получите заём на та-

ких-то условиях, если вы будете нарушать эти условия, займа не получите. А что это за условия, — известно. Да и голландский премьер говорит об этом довольно убедительно.

Вот почему «план Маршалла» является экономическим диктатом более слабым в экономическом отношении странам. Этот диктат выражается и в предъявлении государствам, соглашающимся получать на условиях «плана Маршалла» займы, прямых требований в отношении проведения этими странами той или иной линии внешней и внутренней политики.

Все, вероятно, помнят заявление председателя комиссии по международным отношениям Национальной ассоциации промышленников США Кольдера в сенатской комиссии по иностранным делам, в котором Кольдер прямо пригрозил европейским странам и, в частности, английскому лейбористскому правительству, когда сказал, что если европейские страны не откажутся от дальнейшей политики национализации промышленности, то им следует отказать в экономической помощи. Известно, что английское лейбористское правительство так и поступило. Оно должно было отказаться от национализации или национализации крупной промышленности Рура, которую английское правительство рьяно защищало в период 1945—1946 годов и которая значилась в качестве одного из основных программных пунктов английского правительства в его планах, и известно, что ему пришлось в конце концов снять этот пункт с порядка дня ввиду того, что это намерение не соответствовало требованиям и условиям «плана Маршалла».

Факт, что «план Маршалла», например, регулирует товарные поставки, сводя к минимуму поставки промышленного оборудования, весьма необходимого для восстановления пострадавшего от войны народного хозяйства западноевропейских стран. Факт и то, что в каждой стране будущей американской помощи по «плану Маршалла» образуется особый фонд в местной валюте из выручки от продажи товаров, предоставляемых по «плану Маршалла». Расходовать этот фонд можно только с разрешения администратора Соединённых Штатов. А это означает не что иное, как урегулирование валютных вопросов в этих странах, т. е. определение валютного курса целиком попадает в руки администраторов «плана Маршалла». И не случайно было заявление Гофмана от 22 июля этого года, в котором он по прибытии в Европу сказал, что если не будут достигнуты «специфические результаты» и не будет выработан план дальнейшего прогресса, как он выразился, то он, Гофман, не будет в состоянии рекомендовать американскому конгрессу производить дальнейшие вложения в дело восстановления Европы.

Я не знаю, как понимают это заявление мои оппоненты, но, мне кажется, что все эти заявления — Додда, Кольдера и, наконец, главного администратора плана Маршалла Гофмана не оставляют никакого сомнения в том, что правы те, которые говорят, что «план Маршалла» ничего общего не имеет с задачей оказания действительной помощи нуждающимся в этой помощи странам, что он преследует совершенно другие цели.

Конечно, мы здесь — не Экономическая комиссия и не Экономический и социальный совет организации Объединённых наций, чтобы углубляться в эту проблему, но я считал бы необходимым напомнить все эти факты только для того, чтобы рассеять впечатление, которое хотел произвести здесь г-н Пик, пытаясь уверить, что будто бы «план Маршалла» в применении к дунайским странам и есть одно из проявлений американского благодеяния. Но мы не сможем с этим согласиться потому, что мы знаем, что появление «плана Маршалла» объясняется не только экономическими мотивами и притом такими экономическими мотивами, которые неприемлемы для тех государств, которые уважают свой государственный суверенитет, но и политическими мотивами.

На Парижской мирной конференции два года тому назад В. М. Молотов обращал внимание на то, что одним из видов сотрудничества между разными странами является сотрудничество, основанное на развитии экономических и политических отношений между равноправными государствами, когда национальный суверенитет этих государств не страдает от чужестранного вмешательства. Но есть другой тип международного «сотрудничества», которое основано не на только что названном принципе, а основано на господствующем положении одной или нескольких сильных держав в отношении других стран, которые попадают, таким образом, в подчинённое положение по отношению к этим сильным державам и оказываются как бы лишёнными своей самостоятельности в экономической и политической областях.

Я не думаю, что нужно здесь ещё раз подчёркивать, что первый вид сотрудничества между государствами, когда они выступают как равноправные стороны, коренным образом отличается от второго вида и является единственно приемлемым для тех стран, которые дорожат своим суверенитетом и экономической независимостью и которые хотят, чтобы их суверенитет и экономическая независимость уважались со стороны других государств.

Вот почему, я думаю, этот экскурс, который сегодня был принят и без которого легко можно было обойтись, не уходя в сторону от этого вопроса, который нас непосредственно интересует по статье 5 проекта конвенции, экскурс, который предприняла английская делегация, взявшая на себя роль защиты «плана Маршалла», является неубедительным. Не может быть сомнения, что исходить из «плана Маршалла» в своих требованиях в отношении состава Дунайской комиссии нельзя, для этого нет оснований, одно совершенно не связано с другим и связывать эти вопросы нет никакой необходимости.

2. ЗАЧЕМ НУЖНА НЕКОТОРЫМ ГОСУДАРСТВАМ ДУНАЙСКАЯ КОМИССИЯ

В этой связи я хотел бы остановиться на одном интересном вопросе, а именно на тех мотивах, которыми руководились некоторые государства, добиваясь своего участия в Дунайской комис-

сни. Я думаю, что г-н Тьерри не будет на меня в претензии, если я позволю себе огласить один документ — памятную записку, которую г-н Тьерри вручил 4 мая 1938 года г-ну Комнен, румынскому представителю в Синае. В этом документе значится следующее: «Французское правительство считает, что свобода судоходства на Дунае требует сохранения международного органа, в котором должны быть представлены недунайские державы». И дальше объяснение цели этого стремления. В записке говорится: «в целях согласования иногда расходящихся интересов прибрежных государств».

Таким образом, французское правительство в 1938 году добивалось участия в Дунайской комиссии для того, чтобы играть там роль регулятора расходящихся интересов государств прибрежных, которые сами-де свои интересы примирить были якобы не в состоянии, играть роль такого арбитра, роль такого примирителя этих расходящихся интересов. Может быть, в 1938 году это находило своё некоторое оправдание в характере тех государств и правительств, о которых шла речь, но с 1938 года много утекло дунайской воды и, как здесь справедливо говорили, многое изменилось и раньше всего изменились сами придунайские государства, которые и сами могут примирить «расходящиеся между ними интересы».

Если такова была одна из целей в 1938 году вступления в Дунайскую комиссию французского правительства, чтобы согласовать расходящиеся интересы прибрежных государств, то сейчас такой заботы французское правительство может уже на себя не брать, от такой заботы можно освободить ещё другие недунайские государства, ибо придунайские государства и сами, в случае нужды, сумеют справиться с этой задачей.

Второй вопрос — как пытались некоторые государства использовать Дунайскую комиссию в прошлом? Я в данном случае хочу сослаться на статью, опубликованную 20 июня с. г. в бюллетене государственного департамента Соединённых Штатов Америки под заглавием «Свобода навигации на Дунае», статью Хедселла, где он, критикуя Австрию, говорит: «Австрия стремилась использовать эту комиссию как орудие установления своего преобладания на Дунае и уничтожения условий свободы навигации для всех стран».

Я не хочу входить в обсуждение вопроса по существу, прав ли бюллетень госдепартамента США или нет в своих обвинениях Австрии. Это особый вопрос. Я хочу лишь напомнить об этой сентенции из бюллетеня госдепартамента США от 20 июня с. г. в связи с тем предложением, которое сегодня особенно энергично отстаивалось американским представителем, требовавшим немедленного включения Австрии в состав Дунайской комиссии. Не будет ли опять-таки угрожать Дунайской комиссии та опасность, о которой говорил Хедселл, когда характеризовал тенденции Австрии, стремившейся в прошлом использовать Дунайскую комиссию как орудие установления своего преобладания на Дунае?

Таким образом, мы видим, какие противоречивые интересы руководят теми, кто добивается участия в Дунайской комиссии тех или других государств.

Советская делегация считает, что данный вопрос правильно решаст статья 5 проекта СССР Во-первых, она считает, что необходимо Дунайскую комиссию составить из прибрежных дунайских государств, т. е. таких государств, территории которых хотя бы одним берегом касаются Дуная, и что для этого имеются все основания. Я приводил уже эти основания в своём выступлении при общей дискуссии, указывая как на практику, так и на теорию международного права, касающегося проблемы международных рек, указывая на общепризнанное положение международного права о том, что дело регулирования режима судоходства на международных реках является исключительно делом самих прибрежных государств. Я хочу напомнить о тех двух решениях Панамериканской конференции, которые были приняты в 1889 и в 1933 годах и которые недвусмысленно говорят о том, что регулирование судоходства на таких реках — это есть дело самих прибрежных государств. Я могу напомнить о конвенции 1856 года, о которой с большой теплотой говорил на Парижской конференции сенатор Ванденберг, в силу которой должна была быть учреждена постоянная комиссия прибрежных государств. Самый принцип — регулирование судоходства на таких реках, как Дунай, — ни с точки зрения теории международного права, ни с точки зрения практики международного права не может подлежать сомнению. Так и было до 1921 года. Но не только таков общепризнанный принцип, но такова и современная практика в отношении других международных водных путей. Панамский канал регулируется только прибрежными государствами, т. е. Панамой и США. Поэтому мы считаем, что тот принцип, который в 1921 году, в связи с общим характером той эпохи Версаля, был нарушен, требует восстановления, и ссылка на 1921 год неосновательна, потому что это противоречит и логике международных отношений, и теории международного права.

3. О ПРИДУНАЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Возникает вопрос, какие же именно государства являются придунайскими? Английский делегат высказал даже некоторые сомнения в том, что Советский Союз является придунайским, прибрежным государством и что как будто бы нет больше, как он сказал, русской территории, кроме украинской, которая действительно проходит вдоль Дуная. В связи с этим г-н Пик пришёл к выводу, что, поскольку Украинская ССР является составной частью Советского Союза, то невозможно, чтобы и Украина, и Советский Союз рассматривались как прибрежные страны. Г-н Пик закончил своё выступление обращением к делегации Советского Союза с просьбой указать хотя бы маленький отрезок неукраинской территории, которая являлась бы прибрежной территорией Дуная и, следовательно, оправдывала бы право Советского Союза участвовать в Дунайской комиссии. Это чрезвычайно странное заявление. Это тем более странное заявление, что до сих пор этот вопрос, хотя и затрагивался на Парижской мирной конференции при обсуждении статьи 34 мир-

ного договора с Румынией, никогда никаких сомнений не вызывал и не мог вызвать. Я в этой связи хочу напомнить заявление г-на Ванденберга на Парижской конференции. Цитирую по русскому тексту стенографической записи от 10 октября 1946 года:

«Одна из великих держав — СССР является также придунайской державой». Тогда в этом не было никакого сомнения. Вообще два года тому назад во многих вопросах у представителей США и Великобритании не было сомнения, а теперь вдруг появляются сомнения — и географические, и политические, и экономические, и логические. Тогда не было никаких сомнений, да и не могло быть, потому что действительно СССР — придунайское, прибрежное государство, и не только потому, что УССР занимает большое протяжение по дунайскому берегу, входя в состав Советского Союза, а ещё и потому, что, кроме украинской территории, на берегу Дуная лежит и часть территории, не входящей в состав Украинской республики. Я имею в виду именно ту часть берега Дуная, которая занимает участок при впадении реки Прут в Дунай. Г-н Пик просил меня помочь ему разобраться в этом географическом вопросе и указать ему хотя бы небольшую территорию на карте, которая не была бы украинской территорией и в то же время лежала бы на берегу Дуная. Я охотно это сделаю. Это тот участок, который находится у пункта впадения реки Прут в Дунай. Если нужна карта, мы можем с удовольствием представить её английской делегации. С географией и картами, касающимися СССР, вообще у наших партнёров бывают затруднения. Например, на заседании Совета министров иностранных дел в 1946 году Бевин неожиданно заявил, что Украина — недугайское государство и что если сделано исключение для Украины, которая приглашена на Дунайскую конференцию, то почему нельзя сделать исключение для такого же недугайского государства, как Греция. На это В. М. Молотов ответил: Когда Греция будет придунайским государством, она, конечно, будет приглашена на Дунайскую конференцию. Но, позвольте, сказал Бевин, приглашена же Украина, когда она не является придунайским государством? Пришлось положить на стол карту, чтобы рассеять сомнения. Так и сейчас.

У г-на Пика, кажется, нет сомнения, что Украина — придунайское государство.

Барановский. Наоборот, он высказал уверенность в этом.

Вышинский. Но Советскому Союзу в этом отношении не повезло. Я ответил на вопрос г-на Пика и указываю тот участок территории, который не входит в состав Украинской республики и в то же время, безусловно, лежит на территории Советского Союза. Я не знаю, какой картой пользовался г-н Пик — мелкого масштаба или крупного масштаба, но это безразлично. Есть карты, на которых это можно показать. Но я не видел ещё ни одной карты, на которой можно было бы найти хотя бы одну точку на Дунае, которая являлась бы частью территории Великобритании, позволяющей ей думать, что и Великобритания имеет равное с Советским Союзом право на представление в Дунайской комиссии. Может быть, г-н Пик поправит меня в этом отношении? Я буду ему благодарен.

4. ОБ УЧАСТИИ В ДУНАЙСКОЙ КОМИССИИ АВСТРИИ И ГЕРМАНИИ

Теперь позвольте сказать несколько слов по поводу выступления американского представителя г-на Радиуса. Он затронул три вопроса — об Австрии, о Германии и о недунайских государствах. По поводу недунайских государств и их права на участие в Дунайской комиссии я уже ответил. Такого права они не могут иметь и не имеют. Остаётся сказать об Австрии и Германии. Г-н Радиус рассуждает так: в решении от 12 декабря 1946 года имеется пункт третий, где говорится, что Австрия будет допущена на последующие конференции по Дунаю после того, как будет урегулирован вопрос о договоре с Австрией. Г-н Радиус рассуждает так: этот пункт говорит об участии Австрии в конференции и на этом основании нельзя отказывать Австрии в участии в Дунайской комиссии. Но, во-первых, говоря более точно, этот пункт имеет в виду не участие Австрии в конференции, а неучастие Австрии в данной конференции. Мы согласились пригласить на эту конференцию Австрию с совещательным голосом. Даст ли это право Австрии на участие в Дунайской комиссии? Мы считаем, что не даёт, и вот почему. Если даже для участия с решающим голосом, т. е. для полного участия в конференции по Дунаю, Австрия не имеет оснований в силу тех соглашений, которые состоялись с участием США, то тем более нельзя говорить, что Австрия, неполноправный член Дунайской конференции, может претендовать на участие, на полное и равное участие в Дунайской комиссии, являющейся одним из главных органов, предусматриваемых конвенцией. По этому вопросу не может быть двух мнений. Не может быть сомнения, что впрямь до урегулирования договора с Австрией — это, кстати сказать, зависит не только от Советского Союза, хотя в известной мере также и от Советского Союза, но и от других наших партнёров, — до тех пор, пока, как говорит третий пункт решения Совета министров от 12 декабря 1946 года, вопрос о договоре не будет урегулирован и Австрия не получит права участия в конвенции, её представитель не сможет войти в состав Дунайской комиссии. Он получит это право лишь после урегулирования вопроса о договоре с Австрией. Нам кажется совершенно логичным, если Австрия не может участвовать в качестве полноправного члена в конференции, которая утверждает конвенцию, и не может присоединиться к конвенции до тех пор, пока не будет урегулирован с нею вопрос о договоре, как можно говорить об участии Австрии в Дунайской комиссии без этого предварительного условия. Советский Союз всемерно поддержит участие Австрии в Дунайской комиссии, считая, что Австрия действительно заинтересована в Дунае и как придунайское государство должна войти в Дунайскую комиссию, но мы также считаем, что нужно предварительно урегулировать те вопросы, которые остаются неурегулированными, как сказано в решении четырёх министров. Не урегулирован вопрос о германских активах, не урегулирован очень большой вопрос о беженцах, о так называемых перемещённых лицах, о так называемом корпусе полковника Рогожина, полубандитском и полуфашистском. Нужно уре-

гулировать все вопросы, которые связаны с австрийским договором. Поэтому ставить вопрос так, как ставят английская, американская и французская делегации, настаивая на том, чтобы Австрию немедленно включить в Дунайскую комиссию, неправильно. Это было бы очень хорошо, если бы не было препятствий в нашей предварительной договорённости, связанной с необходимостью урегулировать вопрос в отношении австрийского договора, который мы хотим урегулировать. Мы доказали это в Лондоне, где советское правительство пошло на очень большие уступки в этом отношении, но натолкнулись на сопротивление наших партнёров.

Нам говорят, что Австрия — суверенное государство, говорят, что соглашение четырёх держав в Союзническом совете от 28 июня 1946 года даёт Австрии право на заключение международных соглашений, что это — прерогатива суверенного государства. Но эти же четыре державы сделали оговорку в части, касающейся урегулирования вопроса об австрийском договоре, как предварительном условии для полноправного участия Австрии в дунайских делах, а участие в Дунайской комиссии есть особенно важный момент участия в дунайских делах. Поэтому, будучи логичным, вы должны следовать тому пути, который намечает проект советской делегации.

Что касается Германии, то достаточно будет сказать, что участие Германии в Дунайской комиссии также стоит в связи с её участием в Дунайской конвенции, а это последнее находится в прямой зависимости от урегулирования всего германского вопроса в целом. Я думаю, не требует специального объяснения тот факт, что не на этой конференции может быть урегулирован германский вопрос, хотя бы в отношении Дуная. Общее урегулирование германского вопроса включает в себя и урегулирование вопросов, касающихся Германии, в частности Дуная. Германская проблема, как это всем понятно, гораздо более широкая, чем проблема нашей Дунайской конференции. Германская проблема должна быть урегулирована в соответствии с решением Потсдамской конференции и именно в соответствии с пунктом третьим решения Потсдамской конференции о Германии, где говорится, что мирное урегулирование с Германией есть дело Совета министров иностранных дел. Поэтому нельзя согласиться с поправкой английской делегации, которая считает, что этот вопрос об участии Германии в Дунайской конвенции будет урегулирован по соглашению между теми государствами, которые участвуют в настоящей конвенции, но данный вопрос, вопрос об участии Германии в дунайских делах, выходит за пределы обстоятельств дунайской проблемы. Этот вопрос является частью общегерманской проблемы и не может быть урегулирован на частной конференции, какой является Дунайская конференция. Поэтому советская делегация считает, что предложение американской делегации относительно нового абзаца о том, что «Германия будет допущена к полному и равному участию в Дунайской речной комиссии по вступлении в силу мирного договора с Германией или до этого времени, по соглашению между государствами, участвующими в настоящей конвенции», — является не относящимся к

данному делу, потому что мы не решаем сейчас вопрос о мирном договоре с Германией.

На этом основании советская делегация возражает против поправок, которые вчера были представлены, с одной стороны, английской, французской и американской делегациями, как относительно включения в состав Дунайской комиссии недунайских государств, так и относительно включения в состав Дунайской комиссии Австрии. Советская делегация возражает также против американского предложения о том, чтобы уже теперь была в нашей конвенции записана статья, которая говорит о правах Германии в отношении Дуная, ибо это преждевременно. Когда будет заключён мирный договор с Германией, естественно, возникнут те вопросы, о которых здесь говорилось, но они возникнут не отдельно от целого ряда других важных вопросов, а как нераздельная проблема мирного урегулирования с Германией в целом.

Советская делегация возражает по изложенным основаниям против поправок к статье 5, внесённых тремя западными делегациями.

«Известия» № 192 (9722)
и 193 (9723)
от 14 и 15 августа 1948 г.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЗАСЕДАНИИ ПЛЕНУМА ДУНАЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(18 августа)

В списке ораторов имеется советская делегация. Позвольте мне от имени советской делегации взять слово.

Мы здесь заслушали заявления трёх делегаций — Соединённых Штатов, Великобритании и Франции, которые заявили о своём отказе подписать новую конвенцию о режиме судоходства на Дунае. Все три делегации не просто заявили о своём отказе признать новую конвенцию, если она будет подписана, и принять участие в подписании её, но они свой отказ сопроводили острой приправой из резких выражений и грубых намёков, которые имеют специфическое назначение. Эти делегации говорили о «циничной» солидарности 7 государств, говорили о том, что конференция просто штамповала то, что ей было предложено. Здесь говорили о послушном или покорном большинстве и т. д.

В ответ на это выступил целый ряд делегаций, которые дали должный ответ. Я думаю, что мне поэтому нет необходимости возвращаться к этому вопросу. Но здесь был допущен и целый ряд неправильностей фактического порядка. Например, американский

делегат говорил, что ни одна поправка, предложенная американской или какой-либо другой делегацией непридунайских стран, не была здесь принята. Это, конечно, неправильно. Мы все знаем, что в советский проект вошли статьи 7, 17, 19, 46, взятые почти дословно из американского проекта. А уж если говорить, что здесь отвергались различные поправки и предложения, то важно напомнить о том, как сама американская делегация голосовала против своих собственных предложений, либо воздерживалась от участия в голосовании, либо вообще заявляла, что не участвует в голосовании. То же самое я должен напомнить и относительно французских предложений, как, например, французского проекта статьи о пересмотре конвенции. Французский делегат своё предложение по этому вопросу просто снял с голосования, хотя советская делегация подержала это предложение с небольшой поправкой. Как можно при таких условиях упрекать советскую делегацию и остальные, поддерживающие наш проект придунайские делегации, в том, что мы игнорировали решительно все американские, английские и французские предложения? Это просто не соответствует действительности. Кроме того, можно назвать ряд статей, которые целиком вошли в советский проект из Конвенции 1921 года, а именно, — статья, говорящая о взимании портовых и навигационных сборов, статья о лоцманской службе, статья о речной администрации, статья о таможенном и санитарном надзоре. Целый ряд существенных статей, которые имеются в Конвенции 1921 года, не был просто отброшен советским проектом, а был использован в значительной части, во всяком случае те, которые в своей основе не противоречили принципам, положенным в основу советского проекта.

Таким образом, странно слышать упрек о том, что конференция протекала якобы в таком порядке, когда отбрасывалось всё то, что не исходило от Советского Союза, и принималось только то, что исходило от Советского Союза. Это просто противоречит фактам, как противоречит фактам и заявление о том, что здесь не было свободы дискуссии. Наоборот, здесь никого не ограничивали, все говорили много, и я грешен в этом; но пусть в меня бросит камень тот, кто сам не грешен в этом деле из числа присутствующих здесь американской, английской и французской делегаций. Говорили много, обстоятельно, зачастую о важных материях, никто никого не прерывал, никому не мешали выступать, и после этого нам заявляют, что не было свободы дискуссии. Все эти заявления, подобные которым мы уже слышали и в процессе нашей конференции, в действительности предназначены для того, чтобы прикрыть и оправдать в какой-то мере тот отказ, который нам сегодня преподнесли американская, английская и французская делегации. Мы уже слышали мотивы этих делегаций, отрицающих правомерность и законность новой конвенции — той конвенции, которую нам удастся, может быть, через несколько часов подписать, и мы уже указывали раньше на полную несостоятельность этих мотивов. Это освобождает, как мне кажется, советскую делегацию от необходимости ещё и ещё раз возвращаться к этому вопросу, чтобы вновь и вновь доказывать произвольность и необоснованность этих заявлений, в частности тех,

которые были сегодня сделаны тремя делегациями, а также действий этих трёх делегаций, которые уже не в первый раз отказываются от выполнения ими же самими взятых на себя обязательств по ранее заключённым международным соглашениям, в частности от выполнения обязательства, которое лежит на них в связи с решением Совета министров иностранных дел от 12 декабря 1946 года.

Какими мотивами главным образом руководствуются эти делегации, отказываясь подписать новую конвенцию? Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что главным их мотивом является ссылка на то, что Конвенция 1921 года продолжает действовать и что в силу этой конвенции никакие изменения о режиме Дунайского судоходства не могут быть допущены без согласия всех тех государств, которые 27 лет тому назад подписали Конвенцию 1921 года.

Мы об этом уже много говорили на предыдущих заседаниях. Советская делегация исходит из того, что такого рода аргументация не выдерживает критики, она не выдерживает критики по всем направлениям: и с точки зрения международно-правовых принципов, и с точки зрения исторической, и с точки зрения практических соображений. В самом деле, ведь речь, в конце концов, идёт о том, чтобы запросить согласие трёх не участвующих в нашей конференции государств: Бельгии, Италии и Греции и двух государств, которые не могут участвовать в нашей конференции в силу своего положения, — это Австрия и Германия, чего, между прочим, коснулся сегодня сам английский представитель.

Что касается Германии, то вопрос о ней совершенно особый. И когда мы собрались решить вопрос о новой конвенции на Дунае в Нью-Йорке в 1946 году и в Париже в том же 1946 году, разве тогда мы не установили, как и на каких условиях мы должны будем созвать новую Дунайскую конференцию, разве мы не установили состав этой конференции, — состав, который здесь заседает? Разве там были установлены какие-либо ограничительные условия для работы Дунайской конференции, было установлено, что эта конференция должна рассматриваться как предварительная, что её работа не будет иметь значения работы окончательной, что она должна будет ещё войти в дополнительные переговоры с другими организациями, не участвующими в этой конференции? Разве такие условия были поставлены? Разве решение Совета министров иностранных дел от 12 декабря 1946 года говорит, что новая конвенция, которая должна быть разработана данной конференцией, Дунайской конференцией, должна будет получить ещё чью-то дополнительную апробацию? Я первый раз слышу об этом. Наоборот. Разве тогда не было решено, что мы соберёмся на этой конференции в данном составе, чтобы выработать новую конвенцию, причём решено это было без всяких оговорок, что она не вступит в силу до тех пор, пока не дадут на это согласие 3 государства? Об этом говорили некоторые государства, заявляя, что они резервируют за собой какие-то права. Но никаких такого рода решений не было принято.

И когда Совет министров иностранных дел решал вопрос о созыве Дунайской конференции, на которой будет разработана новая конвенция, и о составе этой конференции, разве было сказано о том, что нужно обязательно согласие тех государств, которые подписали Конвенцию 1921 года? Это совершенно новое предложение. Разве Бельгия, Италия, Греция возражали против того, что данная конференция соберётся в этом составе? Я говорю о решении, о международном соглашении. Есть международное соглашение. Это соглашение — решение Совета министров иностранных дел от 12 декабря 1946 года, которое определяет состав Дунайской конференции, порядок выработки этой новой конвенции, и здесь нет никаких условий, которые отсылали бы нас к Конвенции 1921 года. Надо отличать спор и отдельные мнения от решений, которые зафиксированы в документе международного значения, в международном соглашении.

Нам говорят, что советская конвенция не подходит, советский проект не подходит, потому что он не обеспечивает свободы судоходства на Дунае. Но, во-первых, статья 1 этого проекта совершенно чётко и ясно определяет эти принципы свободного судоходства и определяет их в точном соответствии с решением Совета министров иностранных дел от 12 декабря 1946 года. В точности соответствует. Ни одного слова не добавлено и не убавлено.

Нам говорят, что нет гарантий, нет гарантий того, что это свободное судоходство будет действительно осуществлено, нет в советском проекте ничего против дискриминации. Но это неверно, потому что в целом ряде советских статей имеются ссылки на недопустимость такой дискриминации. В нашем проекте есть статья, гарантирующая равенство всем флагам на Дунае в отношении взимания всяких сборов и торгового судоходства. Равенство есть равенство. Значит, не допускается никакая дискриминация. Взгляните в статьи 26, 40 и 41 и в другие статьи, где говорится о недопустимости дискриминации по каким бы то ни было основаниям. Но я не могу повторять без конца всё то, что уже говорилось здесь на конференции. Нам говорят: нет гарантий. Но мы знаем, что вы считаете гарантиями. Вы считаете гарантиями участие недунайских стран в Дунайской комиссии. Такие гарантии мы не можем признать. Наши гарантии заключаются в том, что Дунайская комиссия будет состоять из представителей дунайских государств, поскольку правила регулирования Дунайского судоходства так же, как правила регулирования судоходства по любой другой реке, протекающей по территории нескольких государств, как это признано международной практикой, должны подлежать компетенции исключительно прибрежных государств. Мы ссылались на решения, если для вас это может быть авторитетом, например, 1-й Панамериканской, 7-й Панамериканской конференций, на решения, принятые в 1889 и 1933 годах, которые подтвердили этот принцип. Да так это есть и в действительности, на самом деле. Почему же для Дуная сейчас нужно сделать исключение, отступление и преподнести это как гарантию свободы судоходства? А мы считаем, что действительной

гарантией свободы судоходства будет тот порядок, который устанавливает проект нашей конвенции, а также тот факт, что Дунайская комиссия будет состоять из придунайских государств. В этом у нас принципиальное расхождение, а поэтому принять другую установку мы не могли и не можем.

Нам говорят, что Конвенция 1921 года существует и что нужно исходить из этой Конвенции, решая судьбу Дуная в будущем и в настоящее время. В сущности говоря, такое заявление означает не что иное, как то, что государства, игравшие в 1921 году руководящую роль в Дунайской комиссии и в 1920 году на Парижской конференции, подготовившей эту конвенцию, приписывают себе право определять судьбы Дуная и режим Дунайского судоходства, как если бы они были подлинными хозяевами Дуная. Мы отрицаем такие притязания. Мы считаем, что такие претензии не имели под собой ни правового, ни исторического основания, если исходить не из захваченных или «приобретённых» прав, а исходить из прав самих дунайских народов.

Нам говорят, что Дунайская конвенция 1921 года как раз и обеспечивала подлинную свободу судоходства, суверенность придунайских государств и т. п. Я хотел бы привести 2 справки относительно Дунайской конференции 1920 года, чтобы бросить свет на тот дух, который царил на этой конференции, чтобы бросить свет на характер тех проектов, которые были выпущены этой конференцией, как Конвенция 1921 года. Я напомним, как относились в 1920 году на Парижской конференции руководящие делегации на этой конференции к придунайским государствам. О том, насколько пренебрежительно они относились к суверенным правам придунайских государств, можно судить по заявлениям представителей двух придунайских государств, присутствовавших на Парижской конференции в 1920 году, — представителя тогдашнего Сербско-Хорватословенского (ныне югославского) государства, во главе которого стояло правительство Пашича, и представителя тогдашнего румынского королевского правительства генерала Авереску. Вот эти два версальских вассала тогдашнего времени — что они говорили? Как они реагировали на тот дух, который царил на Парижской конференции? У меня имеется французский протокол этой конференции, из которого видно следующее:

Во-первых, представитель тогдашнего Сербско-Хорватословенского государства заявил о своём недовольстве по поводу того, что ему не дали достаточно времени, чтобы ознакомиться с проектом Конвенции 1921 года, который рассматривался на этой конференции. Он прямо заявил об этом. А представитель тогдашнего румынского правительства генерала Авереску не постеснялся заявить, что Конвенция 1921 года находится в прямом противоречии с принципом уважения суверенных прав придунайских государств.

Мы, — говорил он, — имеем проект, который диаметрально противоположен принципу уважения неотъемлемых прав прибрежных государств.

И дальше, согласно этому протоколу, он говорил: «Должно быть две комиссии — не считая комиссии, которая должна быть

учреждена для Железных Ворот,— а именно: Европейская Дунайская комиссия» или комиссия морского Дуная, которая останется без изменений, и «Международная Дунайская комиссия» или комиссия речного Дуная, которая должна быть облечена не только полномочиями, подобными полномочиям первой комиссии, но иметь ещё много других полномочий, *могущих серьёзно затронуть суверенные права прибрежных государств*».

«В соответствии с принципами международного права,— продолжал он,— судоходство на международных реках должно быть свободным для всех флагов при уважении, однако, основных прав прибрежных государств».

«Международная Дунайская комиссия,— повторяю, это говорил представитель правительства генерала Авереску 5 августа 1920 года, на конференции в Париже,— в том виде, как она предусматривается в представленном конференции проекте, имела бы право останавливать по своей собственной инициативе *все работы или проводить осуществление их с помощью своих собственных агентов не только в судоходном фарватере, но даже в территориальных водах и в портах прибрежных государств, даже не запрашивая согласия этих государств*».

«Кроме того, эта комиссия,— говорил представитель правительства генерала Авереску,— имела бы право на законодательство, т. е. на *выработку правил по судоходству и для речной полиции и право назначать агентов, которым поручено применять даже на территории прибрежных государств положения указанных правил*».

«Международная Дунайская комиссия имела бы ещё право объявлять свободными портами любые из портов прибрежных государств и свободными зонами любую часть этих портов, *без того, чтобы предварительно запрашивать согласие заинтересованных государств*, и делать это даже в случае, если заинтересованное государство возражало бы против подобной меры».

«Я не колеблясь заявляю, что все полномочия, которыми была бы облечена Международная Дунайская комиссия согласно данному проекту, *представляют собой серьёзное нарушение прав прибрежных государств, которые всегда признавались неотъемлемыми всеми предшествующими международными договорами, начиная с акта Венского конгресса 1815 года*».

Румынский представитель дальше говорил:

«Ограничиваясь только этими несколькими замечаниями, мы констатируем, что перед нами имеется... проект, который *вместо того, чтобы регулировать свободу судоходства, регулирует порабощение прибрежных государств*».

Вот как воспринимали тогда Конвенцию 1921 года придунайские государства в лице представителей правительства Пашича и правительства генерала Авереску. Даже они, говоря о Конвенции 1921 года, не могли не сказать, что вместо того, чтобы регулировать свободу судоходства, она регулирует порабощение придунайских государств.

Румынский представитель добавил следующее: «Один из наших коллег сказал нам вчера, что первый проект имеет две части: одну

цепонятную, вторую бесполезную, и является, таким образом, совершенно бесполезным проектом».

В высшей степени характерно слышать такие речи из уст представителя тогдашнего румынского правительства генерала Авереску, которого нельзя упрекнуть в каких-нибудь демократических тенденциях и которого нельзя заподозрить в революционных стремлениях на Дунае. Вот, господа, как обстояло дело в связи с этой Конвенцией 1921 года. И вы хотите, чтобы в то время, когда даже представители правительств Пашича и генерала Авереску в 1920 году оказались столь чувствительными по отношению к этой Конвенции, чтобы новые дунайские государства, новые демократические страны отнеслись к Конвенции 1921 года с большей снисходительностью, чем представители этих старых реакционных правительств Румынии и Югославии в своё время?

Мы приняли советский проект за основу, и это вселило в нас надежду, что вы сумеете, понимая дух советского проекта, найти путь к тому, чтобы мы оказались солидарными в этом вопросе. Но этого, к сожалению, не случилось. Я должен ещё раз заявить, что советский проект определяется духом, смыслом и текстом статьи первой. Эта статья в точности воспроизводит согласованное решение четырёх министров, принятое в 1946 году.

Новая конвенция о режиме судоходства на Дунае провозглашает свободу судоходства на Дунае для судов всех флагов, в отношении портовых и навигационных сборов и торгового судоходства. Она исключает какую бы то ни было дискриминацию по каким бы то ни было мотивам, и это красной нитью проходит по ряду статей нашей новой конвенции. Она отвергает принцип господствующего положения на Дунае недунайских государств. Она утверждает принцип, который является общепризнанным и в международном праве, и в практике других государств в отношении рек, протекающих по территориям некоторых государств и ведущих к морю и от моря.

Новая конвенция, построенная на изложенных в ней принципах, обеспечивает в полной мере как интересы придунайских государств, так и интересы всех тех государств, которые готовы пользоваться Дунаем, как великим водным путём, дающим все необходимые средства и условия для международного сотрудничества и для укрепления международных торговых связей и отношений.

Не раз уже бывало в истории, когда новые формы общественных отношений наталкивались в своём развитии на жестокое сопротивление старых сил, отживающих свой век. Здесь можно было бы напомнить слова великого Сталина, когда он говорил о том, что «есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества».

Эти замечательные слова вождя Советского Союза великого Сталина вполне уместно было бы здесь напомнить в связи с духом и характером новой Дунайской конвенции, которая построена на основе новых животворных идей, отражающих потребности развития новых сил современного общества. Мы знаем, что когда появляются новые идеи и возникают новые формы общественных отношений, то раздаются голоса из старого мира, апеллирующие к «прирождённым» или «приобретённым» правам, к привилегиям или преимуществам, которые не признаёт ни время, ни новые жизненные силы. Но все эти призывы, все эти апелляции к прошлому и отжившим порядкам, к отмирающим традициям, не могут остановить могучего напора жизни, зовущей вперёд и требующей создания условий для укрепления новых идей и развития новых отношений.

Так и в данном вопросе. Дунай уже не тот, что был 100, 50 или 25 лет тому назад. Не те и придунайские государства. Не те теперь на Дунае условия и строй жизни, не те потребности и стремления придунайских народов, и поэтому апелляции к прошлому, заклинания громкими словами не могут оказать никакого влияния на стремление передовых демократических придунайских стран найти средства, которые отвечали бы насущным нуждам народов, пробудившихся к самостоятельной и независимой государственной жизни.

Вот почему мы, представители Советского Союза, великой социалистической державы, будем приветствовать новую Дунайскую конвенцию, конвенцию, восстанавливающую суверенные права придунайских государств на Дунае, конвенцию, обеспечивающую на Дунае свободу судоходства, мирное сотрудничество и благополучие придунайских народов, всех миролюбивых народов во всём мире.

На Парижской конференции 1946 года, обсуждая дунайский вопрос, глава советской делегации Молотов сказал: «У нас не должно быть сомнения в том, что демократические страны — даже самые молодые из них — имеют достаточно жизненных примеров, чтобы нащупать верный путь к тому, чтобы восстановить утраченное, поднять свои экономические ресурсы и обеспечить прочное благополучие своего народа. Нельзя только допускать, чтобы какие-либо внешние силы мешали этому и чтобы нарушались права народов, завоёванные в тяжёлой, а иногда и прямо самоотверженной борьбе. Тогда все демократические страны развернут полностью свои силы, покажут себя в великих делах своих народов, и мы все будем радоваться их успехам».

Я хотел бы своё выступление от имени Советского Союза в защиту нашего проекта Дунайской конвенции закончить именно этими замечательными словами Вячеслава Михайловича Молотова.

«Известия» № 196 (9726)
от 19 августа 1948 г.